маршанс

КЭРОЛАЙН ЛИНДЕН

*Ставка
на любовь*

Кэролайн Линден
Ставка на любовь
Серия «Греховное пари», книга 3
Серия «Очарование (АСТ)»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64150846

Кэролайн Линден Ставка на любовь:
ISBN 978-5-17-121793-8

Аннотация

Маркиз Уэстмарленд приходит в себя в чужом поместье, не имея представления ни где он, ни что произошло, ни кто та девушка, которая нежно ухаживает за ним и называет своим женихом. И хотя он начисто забыл, как именно познакомился с невестой, не говоря уж о том, как сделал ей предложение, но сердце его полно любви к прекрасной незнакомке.

Счастливый маркиз и не подозревает, что стал жертвой отчаянной авантюры и что больше всего на свете его «нареченная» Джорджиана Лукас боится возвращения его памяти. Ведь тогда ее обман раскроется, последняя ставка будет бита и нежные чувства Уэстмарленда превратятся в ненависть и презрение...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	26
Глава 4	44
Глава 5	54
Глава 6	67
Глава 7	79
Глава 8	94
Глава 9	116
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Кэролайн Линден

Ставка на любовь

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Caroline Linden

WHEN THE MARQUESS WAS MINE

Перевод с английского Е. А. Ильиной

Компьютерный дизайн Э. Э. Кунтыш

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения Avon, an imprint of HarperCollins Publishers

и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© P.F. Belsley, 2019

© Перевод. Е.А. Ильина, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Глава 1

1819 год

Вечеринка грозила перерасти в настоящую вакханалию.

Как справедливо заметил Хитеркот, двадцать один год исполняется в жизни только раз. Марлоу, умудрившийся получить степень бакалавра по математике с отличием, прежде чем унаследовать титул, не преминул возразить, что двадцать восемь лет и тридцать тоже исполняется всего раз, однако друзья привыкли игнорировать его на удивление благо-разумные замечания и посему пропустили эти слова мимо ушей.

Забравшись на стол в приватной столовой клуба «Уайт», Хитеркот заявил, что, устраивая эту вечеринку месяц, оставил без приглашения нескольких знакомых, лишенных чувства юмора, или стиля, или того и другого.

– Скажи уж, что они не отвечают твоим стандартам в том, что касается безудержного веселья, – выкрикнул кто-то, и Хитеркот согласно кивнул, коснувшись полей шляпы.

Покинув клуб, весельчаки отправились в театр. Представление уже началось, когда они заполонили партер в поисках новых развлечений. К тому времени как закрылся занавес, приятели изрядно набрались бренди, закидали сцену апельсинами и потеряли Клифтона, угодившего в лапы продажной

девицы.

Что происходило дальше, подвыпившие гуляки помнили смутно. Кажется, пели на улицах Уэстминстера, где несчастного Марлоу вывернуло наизнанку от количества выпитого, а затем оказались у дверей клуба «Вега». Было так поздно, что управляющий попытался отговорить компанию от участия в игре. Мистер Форбс знал, что каждый из этих господ может делать ставки часами, а двери клуба «Вега», как правило, закрывались с рассветом, однако Хитеркот упрямился и попросил управляющего их впустить и предоставить в личное пользование зал для игры в вист.

– К полудню мы уйдем, – пообещал Хитеркот, похлопав мистера Форбса по груди и сунув ему в карман пригоршню купюр.

Говорил он на удивление членораздельно для человека, угощавшегося горячительными напитками на протяжении восьми часов. С мрачным выражением лица Форбс впустил посетителей, и они тут же собрались вокруг игорного стола, потребовав принести еще вина.

Несколько наиболее отважных членов клуба двинулись за шумной компанией. Форбс попытался их остановить, но Форрестер узнал одного из завсегдатаев клуба и, икнув, приветственно помахал рукой.

– Мы совсем не прочь выиграть их деньги.

Сначала друзья резались в вист, а потом переключились на «мушку». Один из проигравших, приняв брошенный ему

вызов, опустошил полную фляжку виски за один присест. Зал наполнился дымом сигар и нецензурной бранью. Ставки росли с каждой минутой. Марлоу выиграл у Форестера чистопородного жеребенка. Хитеркот поставил на кон собственный фаэтон, а в итоге выиграл у кого-то ландо. Сэквилл стал обладателем самого крупного за ночь выигрыша, и присутствующие забросали его фишками.

Но вскоре один из наблюдавших за этим разгулом членов клуба испортил все веселье. В нем с легкостью угадывался сельский житель, незнакомый с нравами Лондона, а его самодовольное бахвальство, казавшееся поначалу забавным, вскоре стало раздражать. Играл он довольно неплохо, а проигрывая, раздражался такими цветистыми ругательствами, что окружающие покатывались со смеху, однако когда мистер Уинстон поставил на кон собственный дом, всем стало ясно, что он совершенно лишился рассудка.

Марлоу рассмеялся. Хитеркот взял со стола подписанную Уинстоном закладную и вскинул бровь.

– Вы не можете ставить на кон недвижимость!

И без того раскрасневшийся от большого количества выпитого, Уинстон стал совсем багровым.

– Еще как могу! Этот парень поставил на кон лошадь!

– Лошадь – движимое имущество, – пояснил Форестер, ливерпульский выговор которого стал еще более явственным. – В отличие от дома.

– Но дом гораздо дороже!

– Верно. Это слишком дорогое имущество. – Хитеркот подвинул закладную Уинстону. – Фишки.

– У меня больше нет фишек, – пробормотал молодой человек.

Все присутствующие ошеломленно уставились на опустевшее место на столе: никто из них не проигрался до такой степени.

– В таком случае освободите место, – произнес Форестер. – Вы выбыли из игры.

Приятель попытался подсунуть ему несколько фишек, но Уинстон, упрямо выпятив подбородок, зло оттолкнул их.

– Дайте мне возможность отыгаться.

– Ни одной фишки? Весомая причина, чтобы остановиться, – взмахнул рукой Марлоу, едва не свалившись со стула.

Мистер Форбс, мрачно наблюдавший за происходящим, вышел вперед.

– Мистер Уинстон, – тихо произнес управляющий, – пожалуй, вам и правда пора остановиться.

– Не сейчас! – Уинстон недобро оглядел присутствующих, раздраженно отмахнувшись от пытавшегося урезонить его друга. – Не сейчас, Фарли! У них была возможность повернуть удачу к себе лицом. Так почему я не могу поступить так же?

– Потому что удача подобна ветру, – раздался чей-то голос, и Николас Дэшвуд, владелец заведения, вышел из тени. – Она редко проявляет благосклонность к проигравше-

му.

Однако Уинстон, упрямо вжавшись в спинку стула, стоял на своем:

– Я заслуживаю еще одного шанса.

Хитеркот закинул руки за спинку стула.

– Ну как, Уэст, что скажешь? Может, позволим ему остаться и дадим возможность проиграть все, что имеет?

Откинувшись на спинку стула, с бокалом вина в одной руке и мастерски разложенными веером картами – в другой, маркиз Уэстмарленд поднял глаза на собравшихся.

– Вам и правда пора домой, Уинсмур.

– Скорее уж Уинслесс¹, – осклабился Марлоу.

Уинстон выпрямился на своем стуле и посмотрел на маркиза как на свою последнюю надежду.

– Прошу вас, милорд.

– О, позвольте ему себя погубить, – пробормотал Форестер, тасуя карты.

Маркиз слегка пожал плечами.

– Будь я проклят, если мне есть до этого дело.

Хитеркот перевел взгляд на владельца клуба.

– Дэшвуд, вы по-прежнему требуете строгого соблюдения правил?

– Мистер Уинстон, не делайте ставок, если не можете позволить себе проигрывать, – невозмутимо произнес тот.

¹ Имеется ввиду сочетание двух английских слов «wins less», что буквально означает «лишенный выигрыша». – *Здесь и далее примеч. пер.*

Схватив со стола закладную, Уинстон добавил еще одну строчку и поставил под документом витиеватую подпись, но обещания своего не сдержал: за четыре кона выиграв немного наличных, потом снова проиграл все, включая закладную, и внезапно как-то обмяк, утратил недавнюю воинственность и больше не проявлял упрямства. Совершенно ошеломленный, мистер Уинстон, глядя на пустой стол перед собой, был похож на неоперившегося юнца.

– Зря вы нас не послушали, – сочувственно произнес Хитеркот. – Вам следовало выйти из-за стола.

– Просто мне не стоило играть с такими, как вы! – обиженно заявил Уинстон.

– А вы н... не знали, с кем имеете дело? – выдавил Марлоу, которому слова давались с большим трудом. – Чертов глупец!

– Это мой дом!

– И вы поставили его на кон! – саркастически усмехнулся Марлоу. – Идиот.

Уинстон побагровел так густо, что теперь напоминал свеклу.

– Не называйте меня так!

Сэквилл вскинул бровь.

– Да? Только вот дом-то больше не ваш. – Он выудил закладную из кучи фишек и принялся изучать, хотя взгляд его с трудом концентрировался на строчках. – Похоже, теперь он принадлежит Уэсту.

Окружающие разразились смехом.

– Но он ведь ему не нужен! – воскликнул Уинстон и подался было вперед, пытаясь схватить закладную, но друг удержал его за руку. – У него целая дюжина домов!

– Устройте там бордель, Уэст, – предложил Форестер. – И предоставьте всем своим друзьям скидку.

– Или бесплатное посещение! – с хриплым смехом выкрикнул Марлоу.

Уинстон гневно втянул носом воздух и, не желая выслушивать оскорбительные замечания, бросился вон из зала. Он долго сражался с дверью, а когда наконец открыл, едва не скатился со ступенек под дружный хохот подвыпившей компании.

– Кто его пригласил? – презрительно спросил Хитеркот, когда дверь за ним захлопнулась.

– Марлоу.

– Чушь! – пробормотал тот, ткнувшись лбом в столешницу. – Я его не приглашал. Это все Форестер.

Ответом ему был непристойный жест.

– Готов поклясться, что его пригласил Фарли.

– Все ваши друзья низкого пошиба, – произнес Сэквилл.

Форестер заметно напрягся, потом вдруг поднялся и порывисто поднял бокал, расплескав вино.

– Благодарю вас всех за потрясающий вечер, джентльмены.

Однако последовавший за этими словами поклон предна-

значался лишь виконту Хитеркоту и лорду Уэстмарленду.

Хитеркот попытался его остановить, но Форестер лишь отмахнулся и покинул клуб. Марлоу спал, положив голову на стол, Сэквилл пьяно хихикал, а Уэст хотел было встать, но с первой попытки ему это не удалось. Опершись на столешницу, словно собираясь с силами, он наконец поднялся со своего места и потребовал:

– Экипажи, Дэшвуд.

Сохраняя каменное выражение лица, владелец клуба вышел из зала, а Уэстмарленд, оглядев стол, удивленно спросил:

– Я что, последний кон выиграл?

– Ага, – широко зевнув, кивнул Хитеркот.

– Запишите все на мой счет, Форбс, – произнес маркиз. –

Господи, как же я устал.

С таким же непроницаемым выражением лица, как и у владельца клуба, управляющий вышел вперед, с отвращением взяв со стола закладную и протянул маркизу.

– Этого я на ваш счет записать не смогу, милорд.

Уэстмарленд посмотрел на бумагу.

– Черт! Верно...

Сунув документ в карман, в сопровождении Хитеркота он вышел навстречу солнечному утру.

Глава 2

Джорджиана Лукас прекрасно проводила время у своей подруги в Дербишире до тех пор, пока не пришло письмо. Единственному листку бумаги, сложенному вчетверо, удалось непреднамеренно пошатнуть привычный уклад ее жизни, после чего события приняли совершенно неожиданный и непредсказуемый поворот.

Но тогда Джорджиана еще не знала об этом.

Письмо пришло за завтраком. Джорджиана попивала чай, наслаждаясь обретенной свободой: ведь ее строгая наставница леди Сидлоу осталась в Лондоне, в то время как сама она на время удалилась в Мэрифилд. Хозяйка дома и близкая школьная подруга Джорджианы Китти, превратившаяся теперь в леди Уинстон, сидела во главе стола с крохотной дочуркой на руках и не скрывала своего восторга. Малышке сегодня исполнилось три месяца. Золовка Китти Женева вслух читала занимательные выдержки из местной приходской газеты. Вдовствующая леди Уинстон, свекровь Китти, которую все члены семьи называли просто «матушка», слушала дочь, тихонько посмеиваясь над рассказом о свиньях мистера Потта, вырвавшихся из загона, и одновременно просматривала меню предстоящего ужина. Сегодня составить им компанию согласился местный викарий с семьей.

Дворецкий Уильямс принес утреннюю почту и протянул

поднос Китти:

– От сэра Чарлза.

– О! – С довольной улыбкой Китти положила малышку в колыбель, стоявшую рядом, взяла письмо и сломала печать.

Джорджиана допила чай и подвинула чашку к Женева, чтобы та наполнила ее. Легкий ветерок доносил сквозь распахнутые окна столовой насыщенный аромат лета и гудение пчел в саду. Судя по всему, обитателей дома ждал очередной погожий летний денек. Джорджиана подумывала о длительной прогулке пешком или верхом. Сельская жизнь во многом уступала городской, но только не в том, что касалось прогулок и развлечений на воздухе.

Из раздумий ее вывел звон стекла: это Китти уронила чашку и выпрямилась на стуле.

– Что-то случилось? – встрепелась Джорджиана.

Китти протянула руку с зажатым в ней с такой силой письмом, что побелели костяшки пальцев, и едва слышно произнесла:

– Чарлз...

Женева тотчас же замолчала, а матушка Уинстон обеспокоенно спросила:

– Что случилось с Чарлзом?

– Что-то ужасное. – Китти оглядела присутствующих и, нахмурившись, начала читать: – «Моя дорогая жена, мне бы очень не хотелось тебя пугать, но в моей душе царит сумятица и пишу я тебе в страшной спешке. Мне ужасно не повез-

ло столкнуться с...» – Голос Китти сорвался, глаза наполнились слезами.

– Он что, умер? – в ужасе воскликнула Женева.

– В таком случае он вряд ли смог бы это написать, – возразила Джорджиана и наклонилась к колыбели, чтобы успокоить малышку, которая заплакала, испугавшись. – Продолжай, Китти. Что же все-таки случилось?

Китти молчала, устремив взгляд в окно.

– Так скажи же, наконец, что произошло, дорогая, – обратилась к невестке матушка Уинстон. – Его ограбили? Он ранен? Я слышала, что в Лондоне не так уж безопасно.

Китти ничего не ответила – просто продолжила читать:

– «Мне ужасно не повезло столкнуться с компанией весьма коварных джентльменов, по вине которых я понес большие потери. Я жив и здоров, но моя гордость уязвлена, достоинство задето».

– Кто-то его избил! – перебила золовку Женева. – Он что, принимал участие в боксерском поединке?

Китти пожала плечами.

– Не думаю. Послушайте, что он пишет дальше: «Имя самого главного негодяя, коварно меня обманувшего, лорд Уэстмарленд. Я опасаюсь, что он явится в Осборн-Хаус. Если это произойдет, любовь моя, ни за что его не впускай, иначе он всех нас уничтожит».

Женева испуганно охнула, у матушки Уинстон отвисла челюсть.

Китти перевернула лист и, пробежав глазами написанное, сказала:

– Чарлз пишет, что пытается предотвратить катастрофу и сообщит о результатах позже, а также повторяет, что мы не должны впускать лорда Уэстмарленда в дом.

– Должно быть, речь идет о дуэли! – не удержалась от предположения Женева.

– Не говори ерунду! – строго посмотрела на девушку мать. – Чарлз не настолько безрассуден.

– Даже если и была дуэль, то чувствует он себя неплохо, раз сумел собственноручно это написать, – заметила Джорджиана.

– Но зачем, скажите на милость, Уэстмарленд приедет сюда, если они повздорили с Чарлзом? – медленно проговорила, словно обращаясь к самой себе, Китти и еще раз пробежалась по строчкам письма. – Чарлз пишет, что его обманули...

– Должно быть, это как-то связано с бизнесом, – предположила матушка Уинстон. – Чарлз бывает порой таким доверчивым. Я всегда опасалась, что он может стать добычей какого-нибудь нечистого на руку дельца. Кстати, его отца это тоже беспокоило.

– Но что за дела могут связывать его с маркизом? – нахмурилась Китти, задумчиво приложив палец к губам. – Он наверняка хотя бы упомянул о знакомстве с ним. Если же маркиз поступил неэтично, мистер Джексон непременно с

этим разберется.

Мистер Джексон долгие годы служил семейным поверенным Китти, а после ее замужества принял под свой контроль и дела Уинстонов.

– Сомневаюсь, что маркиз имеет хоть какое-то представление, как вести дела, – фыркнула Джорджиана. – Ведь всем известно, что в их семействе заправляет его отец герцог Ролэнд.

Все удивленно уставились на Джорджиану, и тут Китти осенило:

– Ну конечно! Ты должна знать лорда Уэстмарленда, ведь уже три года живешь в Лондоне!

Поглаживая малышку по спинке, Джорджиана поморщилась.

– Я не знакома с лордом Уэстмарлендом, но много о нем слышала.

Они вращались в одних и тех же кругах, поэтому не знать о такой известной личности, как маркиз Уэстмарленд, было просто невозможно. Наставница Джорджианы леди Сидлоу обладала прямо-таки энциклопедическими знаниями в том, что касалось лондонских холостяков, и обсуждала их с таким живым интересом, что позавидовали бы любители лошадей на скачках в Эскоте.

Джорджиана вполне могла удовлетворить интерес Китти. Высокий, красивый, стройный, маркиз обладал поистине убийственным шармом, если хотел кого-то очаровать. Дамы

теряли голову при виде его темных локонов и блестящих глаз цвета ореховой скорлупы. К тому же он был единственным наследником герцога Роленда, одного из богатейших в Англии, так что слыл чуть ли не самым завидным женихом Англии. Леди Сидлоу не раз сокрушалась относительно предстоящего замужества Джорджианы, которая была помолвлена с обычным виконтом, в то время как ее окружали такие мужчины, как Уэстмарленд, выставляя напоказ свой статус холостяка.

Джорджиане, в отличие от наставницы, была известна и другая сторона этой блестящей медали, и именно поэтому она с презрением относилась к Уэстмарленду.

– Что он за человек? – спросила Китти, с любопытством взглянув на подругу.

– Негодяй? Обманщик? – подхватила Женева.

– Похоже, он бесчестный человек, если так жестоко обманул Чарлза! – провозгласила и матушка Уинстон.

Что касается Джорджианы, то, по ее мнению, маркиз Уэстмарленд гораздо хуже.

– Уж я точно не встану на защиту его чести.

Матушка Уинстон округлила глаза, а Женева с неподдельным интересом спросила:

– Что такого он сделал?

Джорджиана была невысокого мнения о маркизе, но на то имелись исключительно личные причины и ее совесть на мгновение взбунтовалась. Ведь то обстоятельство, что мар-

киз ей не нравился, ужасно не нравился, вовсе не означало, что она должна очернить его имя перед всеми обитателями Дербишира.

Ей пришли на ум строчки из письма Чарлза: Уэстмарленд его обманул и намерен явиться сюда, но с какой стати? Если маркиз вознамерился наказать за какие-то прегрешения Чарлза Китти, ее чудесную малышку или Женеву с матерью, то Джорджиана ни за что не останется в стороне.

– У маркиза скандальная слава негодяя, – начала Джорджиана, наслышанная о «подвигах» Уэстмарленда. – И если бы ты, Китти, провела сезон в Лондоне, то прекрасно знала бы это и без меня. Он вращается в довольно сомнительной компании виконта Хитеркота, лорда Марлоу и шокирующего своим поведением лорда Клифтона. Да ты должна помнить его: джентльмен, едва не свернувший себе шею во время попытки взобраться на шпиль собора Святого Мартина.

– О господи! – выдохнула Женева.

– Но как Чарлз оказался в таком обществе? – разволновалась матушка Уинстон.

– Должно быть, это всего лишь случайность и, возможно, Чарлз вовсе ни при чем, – продолжила Джорджиана. – В бульварных газетах постоянно появляются сплетни о выходках его друзей, известных своими дикими забавами. Однажды они положили в лодку своего пьяного приятеля и отправили в путешествие по Темзе, решив, что это очень весело. Бедняга проснулся, лишь когда лодка ткнулась в берег в

Гринвиче, а ведь вполне мог свалиться в воду и утонуть.

– О, и ты думаешь, что они сыграли такую же злую шутку с Чарлзом? – Женева зарделась от возбуждения, заинтригованная и в то же время напуганная таким поворотом событий. – Как это, должно быть, ужасно! Бедный Чарлз!

– Да нет, не похоже, чтобы он водил знакомство с такими людьми, – произнесла Китти и внимательно посмотрела на подругу: – Но за что ты так невзлюбила Уэстмарленда? Ведь безрассудством и безнравственностью грешат и другие лондонские джентльмены, но ты к ним относишься вполне лояльно.

– Мне бы не хотелось прослыть сплетницей, – рассмеялась Джорджиана.

– Ну не будь такой скрытной! – взмолилась Женева, за что тотчас же заработала неодобрительный взгляд матери.

Джорджиана сделала глоток чаю.

– Ну, раз вы настаиваете...

– О да! – Женева так энергично подалась вперед, что едва не свалилась со стула, заслужив укоризненный взгляд матушки Уинстон. – Возможно, он уже едет сюда, так что, полагаю, нам просто необходимо знать о нем все, даже самое ужасное.

Матушка Уинстон поджала губы.

– И все же неприлично проявлять интерес столь явно...

Однако Женева лишь усмехнулась, а Китти едва не подавилась от рвущегося наружу смеха.

– Уэстмарленд – самый настоящий подлец, – начала рассказ Джорджиана, напрочь позабыв о скрытности. – У него дурные манеры и подлый нрав. Он и его приятель лорд Хитеркот, такой же бездельник, забавляются, отпуская язвительные замечания в адрес окружающих, и при этом им нет никакого дела до того, что их могут услышать. На одном из званных вечеров этой весной, например, они презрительно отозвались о Джоанне Хочкинс, обозвав ее простушкой, а потом заявили, что леди Телфорд отвратительная хозяйка, а убранство ее дома вызывает оторопь.

Девушка на мгновение замолчала, решая, говорить ли, какого мнения этот пьяный мерзавец о ней самой, и все-таки призналась:

– Я же, по его мнению, глупая пустая вертихвостка, которая только тем и занимается, что дразнит мужчин.

О том, что маркиз высказал это в куда более грубых выражениях, она умолчала.

Рот Китти приоткрылся помимо ее воли, а глаза Женева блеснули гневом.

– Ты – глупая? Да как он посмел!

– Какая бестактность! – с негодованием покачала головой матушка Уинстон. – Отвратительный человек!

– Да, вы совершенно правы: ничто, кроме собственной персоны, его не интересует, – согласилась Джорджиана. – Совершенно безнравственный человек.

– Я его не знаю, но уже ненавижу, – заявила Женева.

– Как я тебя понимаю, – пробормотала Джорджиана.

– И вот теперь он оскорбил нашего дорогого Чарлза. – Матушка Уинстон перевела взгляд на сноху. – Что будем делать, дорогая?

– В данный момент ровным счетом ничего. – Немного успокоившись, Китти сложила письмо. – Странно, что лорд Уэстмарленд намерен явиться сюда. Зачем ему это?

– Чтобы позлорадствовать! – Женева посмотрела на мать. – Но мы ведь не обязаны его принимать, правда же?

– Совершенно не обязаны! – Матушка Уинстон поднялась со своего места, и глаза ее воинственно сверкнули. – И никто в Мэрифилде его не примет. Я предупрежу всех, и в особенности миссис Тапп, хозяйку «Быка и собаки». Этот негодяй не сможет здесь снять комнату даже в самой захудалой гостинице.

– Я с тобой! – Женева вскочила и последовала за матерью, на ходу придумывая, как можно отвадить маркиза.

В столовой повисла тишина, потом Джорджиана отважилась спросить:

– Что еще пишет Чарлз?

– Да почти ничего. – Китти задумчиво посмотрела на письмо. – И это меня беспокоит.

– Должна признаться, я просто не представляю, каким образом их пути могли пересечься, – задумчиво проговорила Джорджиана. – Уэстмарленд и Чарлз совершенно разные – что может быть между ними общего?

– Кажется, я знаю, где они могли встретиться. – Китти прижала пальцы к вискам, словно у нее вдруг заболела голова. – Чарлз любит карты больше, чем следовало бы.

Джорджиана как-то упустила из виду пагубную страсть мужа своей подруги. Чарлз никогда ей особенно не нравился. Нет, он симпатичный, приятный в общении, но не более того. В его обществе можно было провести целый вечер, а на следующий день ничего из сказанного им накануне не вспомнить. Джорджиана очень удивилась, когда узнала, что Китти согласилась выйти за него замуж. Впрочем, жених он был завидный – баронет как-никак. Джорджиана догадывалась, что подруга, будучи сильной личностью, искала мужа, который предоставил бы ей полную свободу действий. Многие женщины искали в браке того же, а Китти вручила своему менее богатому мужу весьма солидное приданое, а посему считала, что имеет полное право играть в семье главенствующую роль. И уж конечно, она куда умнее и рассудительнее Чарлза.

Разумеется, говорить об этом Джорджиана не собиралась, и, чтобы скрыть замешательство, принялась поправлять одеяльце в колыбели.

– Скажи мне правду: Уэстмарленд игрок? – с напряжением в голосе спросила Китти.

Джорджиана погладила мягкие светлые волосики малышки.

– Полагаю, да.

Джорджиана не была особенно осведомлена о привычках и увлечениях маркиза, но знала, что многие из его друзей прославились своими скандальными ставками и загулами. И ее очень удивило бы, окажись он другим, учитывая, сколько времени они проводят вместе.

Брови Китти сошлись на переносице.

– Меня это очень беспокоит. Чарлз не раз замечал, что ставки на званых вечерах у наших соседей в Мэрифилде такие низкие, что можно умереть со скуки. Остается лишь надеяться, что у него хватило ума не садиться за стол с лондонскими игроками. Но если к игре присоединился маркиз...

Только вот Джорджиана сильно сомневалась, что маркиз Уэстмарленд захотел бы сесть за один стол с таким человеком, как Чарлз, скорее наоборот. Уэстмарленд, сын состоятельного герцога Роланда, мог позволить себе гораздо более высокие ставки, чем сельский сквайр Чарлз, к тому же предпочитал совсем другое общество – отъявленных лондонских гуляк и развратников. Чарлз Уинстон, простой баронет из Дербишира, слишком скучен и неприметен для пресыщенного роскошью маркиза Уэстмарленда. Просто поразительно, что их пути вообще пересеклись, а то, что эта встреча закончилась для Чарлза плачевно, Джорджиану совершенно не удивило.

– Что бы там ни произошло, я нисколько не сомневаюсь, что вина лежит на Уэстмарленде, – уверенно произнесла Джорджиана. – Он наверняка уже напрочь забыл о случив-

шемся и пустился в очередной загул.

Китти поджала губы, но настроение ее не изменилось.

– Чарлз пишет, что маркиз нанес ущерб его чести и достоинству. Значит, речь, вероятно, идет о картах.

– И меня очень беспокоит его предупреждение о визите маркиза и слишком уж настойчивое требование его не пускать.

Джорджиана не знала, что сказать, но тут малышка завозилась, расплакалась, и Китти тотчас же переключила внимание на нее: взяла на руки, прижала к груди и стала гладить по спинке. Девочка наконец успокоилась, и Джорджиана заметила:

– Ты не должна переживать по этому поводу. Даже если у маркиза хватит наглости сюда явиться, мы просто его не выпустим: пусть мокнет под дождем, или устроим такой прием – например закидаем черствыми булочками, – что он сбежит в Лондон.

Брови Китти слегка дрогнули, лицо заметно расслабилось, губы изогнулись в улыбке:

– Неужели ты действительно способна оставить за дверью маркиза?

– Еще как! – озорно улыбнулась Джорджиана. – С огромной радостью.

– Не сомневаюсь! – рассмеялась Китти и прижалась щекой к шелковистой головке дочурки. – И все же я надеюсь, что он сюда не приедет.

Глава 3

Визит поверенного всегда предвещал беду – Роберт Черчилль-Грей, маркиз Уэстмарленд, был твердо убежден в этом и, более того: подозревал, что в его дом, в его гардеробную явился некто иной, как поверенный отца сэра Эджернон Сид, а в спальню маркиза не прорвался лишь по той причине, что камердинер Уэста Хоббс закрыл дверь своим телом, предупредив нежданного гостя, что будет защищаться до последней капли крови, если тот попытается войти в покои его господина.

Уэстмарленд поблагодарил его за преданность, хотя и понимал, что милостей от судьбы ждать не приходится и все равно выслушать отповедь матери, вложенную в уста сэра Эджернона, придется. До герцогини уже дошли слухи о недавних похождениях сына, и она, мягко выражаясь, была не слишком довольна.

Поскольку Роберт почти ничего из событий предыдущей ночи, вызвавших такой гнев матери, не помнил, поверенного слушал даже с интересом. Да, он действительно отмечал свой день рождения, и пышное празднество, как обычно, превратилось в бурную попойку. В памяти Роберта промелькнули лица друзей, вспомнились реки вина, восхитительное угощение, женщины, игорный клуб... А еще, кажется, они хором распевали «Боже, храни короля», развернув-

шись задом к Карлтон-Хаусу.

К сожалению, сэра Эджернона привело в дом Роберта как раз то, чего он так и не смог вспомнить, и все благодаря одной из обожавших сплетни подруг его матери, представившей герцогине подробный и скорее всего предвзятый отчет о похождениях ее сына.

– «Я уверена, что ты сделаешь все необходимое, чтобы исправить эту ужасающую ситуацию, – бесстрастно читал письмо герцогини сэр Эджернон, водрузив на кончик носа очки в тонкой металлической оправе. – Причем незамедлительно. Ибо мне бы очень не хотелось просить твоего отца приехать в Лондон, чтобы вложить тебе в голову хоть немного ума. Необходимость подобных действий несказанно его расстроит, поскольку в Салмсбери, где он сейчас находится, замечательный клев».

– Довольно, я все понял, дальше я сам.

Роберт протянул руку за письмом. В тот самый момент, когда услышал угрозу матери прислать в город отца, он понял, что обречен. Вообще-то герцог Роленд обладал вполне мягким нравом и слыл дружелюбным человеком, но уж если выходил из себя – а именно так и случится, если его лишат отличной рыбалки, – горе тому, кто окажется на его пути, даже если этот кто-то – его старший сын и наследник.

Сэр Эджернон передал маркизу письмо.

– Я буду рад оказать вам помощь, милорд.

«И конечно же в подробностях сообщить все моей мате-

ри», – подумал Роберт.

– Не сомневаюсь.

Роберт ждал, что неожиданный гость наконец откланяется, но тот даже не сделал попытки подняться со своего места.

– Могу я поинтересоваться, как вы намерены поступить, сэр?

Почти физически ощущая, как в мозгу все еще плещется бренди, он жутко мучился от похмелья, голова раскалывалась, поэтому более вразумительного придумать не смог и лишь выдавил:

– Я все улажу.

Однако эти слова не произвели на Снида никакого впечатления.

– Речь идет о недвижимости, милорд. Такие дела не решают простым рукопожатием и извинениями.

– Правда? – Роберт изобразил отчаяние, прижав к глазам кулаки. – Черт, а я так надеялся!

– В самом деле? – совершенно серьезно спросил Снид.

Роберт фыркнул:

– Конечно, нет. Я даже не помню этого Уинслоу...

– Уинстона.

– Да какая разница! Ничего не помню, но могу сказать, что не мог угрожать ни его семье, ни его дому.

Судя по всему, именно это обстоятельство расстроило герцогиню более всего. Кто мог ей наговорить, что ее дражайший сын не только обманом лишил кого-то крыши над

головой, но и пригрозил устроить в его доме бордель?

Поскольку вышеозначенный дом располагался в Дербишире, Роберт не испытывал ни малейшего желания не только им владеть, но и на него взглянуть. Что же касается борделя... Кому придет в голову тащиться в Дербишир, если такого добра и в Лондоне хватает. С таким же успехом он мог бы открыть подобное заведение в Китае.

Сэр Эджернон снял очки.

– Насколько я понял, сэр Уинстон довольно молод, и это его единственная собственность. Должно быть, он места себе не находит от беспокойства. Могу ли я дать вам совет? Если вы не помните, что выиграли у него дом, то, может, просто вернете закладную ему?

Хоть Роберт не помнил даже лица этого самого Чарлза Уинстона оказался настолько глуп, что поставил на кон дом. И вот теперь эту ситуацию предстояло урегулировать ему, хотя бы для того, чтобы успокоить мать. Опять лишняя головная боль...

– Ах он места себе не находит, черт бы его побрал! Да он просто пытается очернить мое имя, Сид, на каждом углу жалуясь, что я обманом лишил его дома. И после этого вы хотите, чтобы я извинился перед ним и попросил забрать закладную?

– Думаю, такое решение данного вопроса будет самым разумным, к тому же не привлечет лишнего внимания, а вас выставит в наилучшем свете.

Роберт хрипло рассмеялся, отчего голову тут же пронзила острая боль.

– Правда? Уинслоу выставил меня обманщиком и негодяем. О произошедшем теперь знает весь Лондон, коль скоро слухи дошли даже до моей матери в Ланкашире, и я этого так не оставлю.

– Милорд, – с нажимом произнес поверенный, – я бы не советовал вам опускаться до мести.

– Приму к сведению, хотя, к счастью, следовать вашим советам не обязан.

– Его светлость герцог Роленд непременно со мной согласился бы, – возразил Снид.

Роберт поднял указательный палец.

– Как сказать. Во-первых, вас прислала моя мать, а не его светлость, и нам обоим известно, насколько велика вероятность того, что мой отец вообще ничего не слышал об этом происшествии. Во-вторых, герцогиня всего лишь просит меня уладить дело. Уверяю вас, у меня нет никакого желания отбирать у этого... как его... дом, но будь я проклят, если позволю ему меня поносить и распространять сплетни. И уж конечно не приползу к нему на задних лапах, точно побитая собака, умолять его забрать назад свою собственность. Если бы у него были мозги, он не поставил бы дом на кон.

– Совершенно с вами согласен, милорд, – произнес сэр Элджернон, – и все же...

– Я разберусь. – Роберт поднялся, с трудом удерживая

равновесие. – Если моя матушка ждет от вас детального отчета, передайте, что все мое внимание посвящено этому делу.

Поверенному явно не понравился ответ маркиза, но он знал свое место.

– Как скажете, милорд. Если я могу чем-то помочь...

– Да-да, – отмахнулся Роберт, повернувшись к нему спиной, чтобы отправиться в спальню. – Всего хорошего, сэр Элджернон.

Оказавшись наконец в одиночестве, Роберт рухнул на кровать и уткнулся лицом в подушку. Ему ужасно хотелось опять погрузиться в сон, но не давала покоя мысль о возможном приезде отца. Мать не пыталась его запугать: с нее станется действительно притащить герцога в Лондон, – и тогда помощи ему Господь. И что прикажете делать?

Немного поразмыслив, он решил, что для начала нужно найти ответы на три вопроса. Первый: неужели он действительно выиграл недвижимость? Проверить это не составит труда: надо просто отыскать расписку или закладную. Если же не обнаружится ничего подобного, то можно объявить, что вся эта история от начала до конца вымысел.

Второй: неужели этот идиот... как его там... действительно распространяет о нем грязные сплетни? И это тоже легко выяснить, если наведаться в клуб: наверняка кто-то что-то знает.

И наконец, третий вопрос: если ответы на два первых во-

проса окажутся не в пользу негодяя, то каким образом его наказать? Роберт не считал себя святым, но и подлецом тоже не был, а потому не собирался оставлять подобные наветы без внимания.

Он с трудом выбрался из постели и разразился проклятиями, когда голову в очередной раз пронзила боль, но все же доковылял до веревки колокольчика и с силой за нее дернул. Через минуту в спальне возник Хоббс.

– Зачем вы впустили Снида в дом? – сурово спросил Роберт, сжимая виски. – Я же дал строгие указания относительно посетителей...

– Вообще-то его впустил не я, а мистер Бигби, в половине восьмого утра.

Господь всемогущий! С дворецким тоже придется поговорить.

Камердинер наполнил таз водой и взял в руки полотенце, ожидая, когда господин опустит голову в холодную воду. Не самый лучший способ унять боль, но все же.

– Пошлите за Типтоном, – приказал Роберт, протянув руку за полотенцем. – Я хочу видеть его ровно через час.

– Да, милорд.

– И за Хитеркотом.

Если он хочет сохранить доброе имя, помощь Хита придется весьма к стати.

– Будет сделано, милорд.

Часом позже маркиз Уэстмарленд восседал за обеденным

столом и взирал на приготовленное поваром снадобье от похмелья: большую чашку травяного чая, кружку крепкого кофе и вареное яйцо. Голова у него гудела так, словно побывала внутри барабана, руки тряслись так, что с трудом удерживали чашку с чаем.

– Что случилось? – раздался в столовой голос Хита.

По пути к столу друг слегка пошатывался, и это было единственным свидетельством того, что и он предыдущей ночью напился в стельку.

– Похоже, я попал в передрагу. – Роберт залпом выпил чай, и неслышно приблизившийся к столу лакей сразу же наполнил чашку снова. – Свободен, – отпустил его маркиз и повернулся к Хитеркоту. – Вчера ночью кто-то ставил на кон дом?

– А черт его знает, – буркнул Хит, с отвращением взирая на предложенный напиток, и, мгновение подумав, сказал: – В моем каретном сарае стоит странного вида ландо, но я понятия не имею, откуда оно взялось.

Роберт застонал.

– Может, махнемся? Ты мне ландо, а я тебе – дом.

– Ни за что! – Хит наморщил лоб. – Постой-ка... Кажется, начинаю припоминать. В клубе «Вега» ты выиграл у Чарли Уинстона дом, а Марлоу предложил устроить в нем бордель.

Хитеркот рассмеялся, а Роберт, выругавшись, осушил вторую чашку. Желудок угрожающе заурчал, но зато в голове начало проясняться.

– Зачем мне бордель? Да и дом не нужен...

Хит захохотал, глядя на него, и Уэстмарленд швырнул в него ложку, которая предназначалась для того, чтобы сдобрить отвратительное пойло сахаром. Но понял это Роберт поздно. Напиток и впрямь был отвратительный: словно его сварили из гнилых овощей и лежалой соломы, а потом процедили через грязный носок лакея.

– Моя мать требует, чтобы я все уладил, – буркнул Роберт, глядя в чашку. Чтобы окончательно прийти в себя, ему предстояло выпить еще две.

Хит тотчас же перестал смеяться.

– Господи... Откуда она узнала?

– Мир слухами полнится. – Роберт поднес чашку к губам. – Очевидно, местные сплетницы представили меня бессердечным негодяем, и вот с этим теперь необходимо разобратся.

Хит опустил на стул, когда его друг с трудом проглотил отвратительное пойло.

– У тебя будут проблемы, Уэст, – констатировал Хитеркот.

– Уже, – фыркнул Роберт.

– Нет-нет. – Хитеркот подался вперед, понизив голос. – Мой дядя очень доволен, что наши дела с Форестером продвигаются, но вряд ли ему понравится, если на них повлияют какие-то сплетни.

Роберт сдвинул брови. Ему очень не хотелось разочаровы-

вать лорда Бересфорда, дядю Хитеркота, который поручил им тайное наблюдение за деятельностью Фредерика Форестера – торговца из Ливерпуля. Его судоходная компания нарушала принятый парламентом закон о контрабанде, однако все попытки Бересфорда положить этому конец ни к чему не привели. Корабли Форестера не раз уличали в перевозке контрабанды, но ему каждый раз удавалось выходить сухим из воды. Бересфорд не сомневался в том, что Форестер обзавелся союзниками в правительстве, и в надежде найти более хитрый способ вывести Форестера на чистую воду, посвятил в дело своего племянника, а тот в свою очередь попросил помощи у Роберта.

Теперь, когда война закончилась, эта своеобразная игра в шпионов любому молодому человеку пришлась бы по душе и как нельзя кстати соответствовала намерению Роберта хоть что-то сделать для правительства. От него требовалось всего лишь изображать первостатейного повесу, прожигателя жизни, так что ему не пришлось даже притворяться.

– Надеюсь, ее светлость герцогиня забудет об этом инциденте? – поинтересовался Хитеркот.

– Плохо ты знаешь мою матушку. Если мне придется выбирать между ее благосклонностью и обязательствами перед твоим дядей... извинись за меня перед лордом Бересфордом. – Роберт налил себе еще чаю, чтобы поскорее покончить с этим ритуалом возвращения в мир живых. – Поверенный считает, что мне следует вернуть этому... Уинслоу, или

как его, закладную на дом, который ему хватило глупости проиграть.

– Вернуть? – ошеломленно воскликнул Хитеркот. – Ты о чем? Да ведь речь идет о твоей чести!

– Хит, – постарался успокоить друга Роберт, – мне не нужен этот чертов дом, и чем быстрее я от него отделаюсь, тем скорее мы сможем вернуться к нашему делу.

Едва он проглотил содержимое последней чашки, как вошедший в столовую дворецкий объявил:

– Мистер Типтон, милорд.

Поверенный, на сей раз его собственный, переступил порог, и Роберт, указав ему на стул, проговорил, сжимая в ладонях кружку с кофе так, словно в ней заключалось спасение:

– Кажется, я стал обладателем закладной на дом.

– Так и есть, милорд, – не моргнув глазом ответил Типтон.

– Но он мне совсем не нужен. – Роберт сделал глоток кофе и вздохнул от удовольствия, ощутив на языке его насыщенный горьковатый вкус. – Мне необходимо вернуть этот дом владельцу.

Брови Типтона еле заметно дрогнули, и все же он бесстрастно произнес:

– Согласен, милорд.

Роберт еще глотнул кофе, ощущая, как возвращается к жизни.

– Как это сделать?

– Что ж... – Типтон заерзал на стуле и откашлялся. – Полагаю, вышеозначенный дом перешел в вашу собственность за игорным столом. Если это так, вернуть его не составит труда, хотя владельцу непременно стоит напомнить о неуместности такого риска.

– Значит, я могу вернуть дом без всякой волокиты?

Типтон кивнул.

– Не вижу никаких препятствий.

– Прекрасно. Именно это я и хотел от вас услышать. – Роберт помолчал, взглянув на приятеля, взиравшего на него так, будто он сошел с ума, и спросил: – Ты считаешь, что этот... как его... слишком легко отделается, верно?

– Именно так, – пробормотал Хитеркот.

– Мало того что идиот, так еще кричит на весь Лондон, что я заполучил его дом обманом... – недовольно хмурясь, проговорил Роберт, мучимый сомнениями.

Типтон вскинул брови.

– Обманом, милорд?

– Да, черт возьми! – воскликнул Хитеркот. – Ты не можешь спустить ему это с рук!

Пусть публично возьмет свои грязные оскорбления назад.

Роберт посмотрел в чашку с кофе. Чертово снадобье действительно подействовало: он чувствовал себя гораздо лучше, в голове прояснилось, и решение было наконец принято.

– Я не верну ему дом: этот идиот вполне способен проиграть его снова, – а отдам его семье. Пусть знают, что он со-

бой представляет.

Хит расхохотался.

– Вот и отлично! Уэст, вот уж не думал, что ты такой коварный – настоящий злодей.

Роберт усмехнулся и обратился к поверенному:

– Типтон, узнайте, где живет этот... Уинслоу.

Так и вышло, что уже на следующий день маркиз Уэст-марленд катил по ухабистой дороге на север Англии, в Дербишир. Наконец-то он уяснил, что имя его врага Уинстон, сэр Чарлз Уинстон, баронет из деревушки Мэрифилд, владелец поставленного им на кон дома, Осборн-Хауса, по словам Типтона, вполне приличного. Уинстон удачно женился на наследнице немалого состояния Кэтрин Льюис. Миссис Уинстон совсем недавно родила первенца, но это было Роберту лишь на руку. Ему не нужен был дом в Дербишире, но он ужасно хотел заставить Уинстона терзаться из-за необдуманных действий, поэтому не стал отвечать на исполненное гнева и мольбы письмо Уинстона. Вместо этого он попросил Типтона связаться с поверенным этого глупца и оформить официальные документы на дом на основании расписки, которую обнаружил в кармане сюртука своего хозяина Хоббс. Что удивило Роберта, тот без вопросов выдал документы, хотя в глубине души надеялся, что возникнут проблемы, и тогда можно было бы списать все на недопонимание. Но теперь, когда документы оказались у него в руках,

он не собирался отступить от первоначального плана. Пусть Уинстон терзается неведением.

Намерение Роберта явиться в дом Уинстона лично немало позабавило его закадычного друга Хитеркота, но маркиз чувствовал, что только так сможет успокоить мать. Он даже послал ей письмо, в котором вкратце рассказал о своем желании вручить закладную на дом несчастным родственникам Уинстона лично, дабы уберечь беззащитных женщин и детей от дальнейших недоразумений.

Так уж случилось, что Осборн-Хаус находился всего в пятидесяти милях от Салмсбери – родового гнезда Ролендов, – так что Роберт закончил свое письмо матери обещанием навестить ее и рассказать о своих приключениях, добавив при этом, что лондонские сплетники перестарались, очернив его доброе имя. Письмо должно было успокоить герцогиню и заставить отказаться от намерения наслать на непутевого сына гнев отца. Роберт готов был доехать до Шотландии и обратно в телеге для перевозки птицы, лишь бы избежать подобной участи.

По мере того как маркиз удалялся от Лондона новизна этой дьявольской затеи утратила свою привлекательность. Ему предстояло три дня в пути, но несмотря на роскошь и удобство экипажа, совершенно не улыбалась перспектива провести столько времени в замкнутом пространстве.

Хит отказался составить ему компанию, даже несмотря на удовольствие, которое сулила месть Роберта. Марлоу сослал-

ся на семейные дела. Клифтона он разыскать не сумел, а Сэквилл заявил, что лучше примет постриг, нежели поедет в деревню.

Вот и пришлось Роберту отправляться в путь в гордом одиночестве. В окна экипажа залетала пыль, а яркие солнечные лучи разгоняли царивий в экипаже полумрак. Роберт положил ноги на противоположное сиденье, проклиная тесноту, и тысячу раз пожалел, что не мог поехать в Дербишир верхом. Впрочем, он никогда не подверг бы своего любимого мерина испытанию такой дорогой. Колесо угодило в глубокую колею, и экипаж тряхнуло так, что Роберт ощутимо ударился головой, несмотря на мягкую обивку. Чертыхнувшись, он откинулся на подушки, и еще недавно казавшаяся удачной идея теперь доставляла ему колоссальное неудобство.

Надо непременно сообщить об этом матери: пусть знает, с каким вниманием он отнесся к ее просьбе.

Утром третьего дня, когда до цели оставалось всего каких-то двадцать с небольшим миль, Роберту начало казаться, будто экипаж значительно уменьшился в размерах. Долгое пребывание в замкнутом пространстве оказалось настолько невыносимым, что он рискнул арендовать коня. Хозяин конюшни на постоялом дворе предоставил ему довольно крепкое животное, и молодой человек тотчас же вскочил в седло.

Солнце палило нещадно, но, слава богу, Роберт оказался на свежем воздухе. Уложив в седельную сумку самое необ-

ходимое, он приказал кучеру и камердинеру остановиться в Макклсфилде – ближайшем крупном городке, поскольку собирался провести несколько дней, прежде чем отправиться в Салмсбери, в Мэрифилде. Там Роберт готов был остаться на целую неделю, поскольку так же, как и отец, ценил хорошую рыбалку. К тому же после всех треволнений было бы неплохо немного отдохнуть за городом. А уж братец Уилл, чьи конюшни славились чуть ли не на всю Англию, наверняка не допустит, чтобы он возвращался в Лондон на каком-то ужасном, взятом напрокат коне.

Перевалило за полдень, когда Роберт подъехал к повороту на Мэрифилд, а еще через милю добрался до крошечной деревушки и напоил коня на постоялом дворе «Бык и собака». До Осборн-Хауса оставалось всего три мили, и Роберт уже начал думать, что окажет Уинстону услугу, если оставит его дом в своей собственности: слишком далеко от цивилизации находился Осборн-Хаус, к тому же местные жители показались неприветливыми и ленивыми. Его попытки узнать дорогу были встречены враждебностью и настороженными взглядами. Узнав, кто он такой, люди не спешили проявить уважение и не выказали желания его проводить.

К такому обращению маркиз не привык: обычно титул открывал перед ним все двери, вынуждая почтительно кланяться даже самого отъявленного лентяя, – а на сей раз все, к кому бы он ни обращался, отворачивались. После столь холодного приема сельская глубинка и замечательный местный

эль уже не казались Роберту такими уж привлекательными, так что переночует и двинется в путь, даже если для этого придется арендовать самую жалкую клячу в округе.

Дорога, что вела к Осборн-Хаусу, представляла собой узкую протоптанную тропу между живой изгородью и глубокой, полной грязной воды канавой, за которой расстилался луг. Казалось, с того момента как Роберт покинул деревню, солнце стало палить еще безжалостнее. Пришлось остановиться возле указателя: немного перевести дух в тени сучковатого боярышника и отереть вспотевший под шляпой лоб. Роберт давно не проводил так много времени в седле, и теперь пожалел, что отпустил экипаж. Горло саднило, невыносимо хотелось пить: вот бы сейчас пропустить кружечку холодного пива, а еще лучше большой стакан кларета.

Хит оказался прав, черт бы его побрал: затея и впрямь оказалась не самой удачной. Вздохнув, Роберт дернул за поводья: осталась всего миля – даст бог, осилит.

Одурев от жары, он не придал значения появившимся у него за спиной трем всадникам, пока те не пустили коней рысью и, обогнав его, не преградили путь.

– Куда это вы направляетесь, господин хороший? – спросил один из них.

Роберт натянул поводья, запоздало осознав, что место здесь довольно глухое и безлюдное.

– Не ваше дело.

Самый здоровый из троицы спрыгнул на землю.

– К чему же грубить? Просто ответьте на вопрос.

– Боюсь, нас друг другу не представили.

Третий незнакомец насмешливо фыркнул.

– Сейчас мы это исправим, приятель.

Громила потянулся к уздечке его коня, и лишь в последний момент Уэстмарленду удалось развернуть животное. Незнакомец сурово сдвинул брови, его товарищи тоже спешили.

У Роберта был с собой пистолет, но лежал в седельной сумке: он и помыслить не мог, что вдали от города и больших дорог оружие может пригодиться. Он оглянулся, пытаюсь сообразить, сможет ли арендованный конь унести его от преследователей. Драка его не пугала, но слишком неравны силы: их трое, а он – один. Оказавшись в столь невыгодном положении, он еще раз мысленно осыпал проклятиями друзей за то, что отказались составить ему компанию.

– Если вам нужен мой кошелек, – проговорил холодно он, – то вы просчитались – там почти нечем поживиться.

Роберт редко возил с собой наличность, поскольку его отцу предоставляли щедрые кредиты по всей Англии.

Один из незнакомцев усмехнулся:

– Это мы сейчас проверим.

Его товарищ так быстро рванулся к коню Роберта, что он не успел среагировать. Ухватив чужака за одежду, он стянул его на землю с такой силой, что тот ударился о покрытую спрессованной грязью землю и лишился чувств.

Глава 4

Джорджиана неслась галопом по лугу, радуясь солнцу и ветру, полной грудью вдыхая свежий деревенский воздух. В Лондоне об этом нельзя было и мечтать, ведь дамы довольствовались послушными робкими кобылками, едва передвигавшими копыта, а Джорджиана любила скорость.

День выдался замечательный. Дождя не было целую неделю, так что земля просохла и копыта лошадей не разъезжались. Женева с матерью уехала с визитом к соседям, а Китти не захотела оставлять капризничавшую и беспокойную малышку, так что Джорджиана оказалась предоставлена самой себе.

Адам, местный грум, не отставал от нее ни на шаг. Девушка бросила на него вопросительный взгляд, и он с улыбкой кивнул. Да, ее мерин действительно мог бежать быстрее. Джорджиана коснулась хлыстом его бока и прижалась к шее, когда конь рванулся вперед, обгоняя ветер.

Всадники пересекли поле, и кони их дружно перемахнули через невысокую каменную ограду. «Господи, как же здорово!» – с ликованием подумала Джорджиана. Они повернули в сторону Мэрифилда, не выпуская из виду тянущуюся вдоль живой изгороди тропу. Вскоре всадникам пришлось замедлить шаг, и Джорджиана разочарованно вздохнула. Как бы ей хотелось продолжать бешеный, захватывающий дух га-

лоп!

– Отлично, миледи! – восхищенно воскликнул Адам.

– Аякс просто чудо! – Джорджиана потрепала коня по холке, когда они с грумом медленно двинулись по тропе. – Вот бы забрать его с собой в Лондон.

Адам засмеялся.

– Сэру Чарлзу это вряд ли понравится: Аякс – один из его любимцев.

Джорджиана с притворным отчаянием покачала головой.

– Не сомневаюсь! Разве его можно не любить?

Грум хотел что-то ответить, но внезапно замолчал и, повернув голову, стал напряженно всматриваться в дорогу.

– Леди Джорджиана, нам лучше поторопиться, – сказал он вдруг тихо.

– Почему? – Девушка проследила за его взглядом и тоже услышала донесшееся издалека ржание, отчего Аякс прижался к лошади Адама. – Что там случилось?

– Кажется, разбойники, – мрачно пробормотал Адам, доставая из седельной сумки пистолет и тревожно глядя на тропу.

Джорджиана заметила наконец вдали лошадей и спешившихся всадников, однако с такого расстояния разглядеть что-либо еще не представлялось возможным.

– Что? Что там происходит?

Адам проехал вперед, закрывая собой Джорджиану.

– В последнее время участились случаи грабежей. Нам

следует вернуться назад.

Деревушка Мэрифилд располагалась так далеко от больших дорог, что вряд ли сюда забрели какие-то путешественники. Скорее жертвой нападения стал кто-нибудь из местных, направлявшихся на рынок. Подобное иногда случалось, но в основном с женщинами.

Джорджиана поравнялась с грумом.

– Давайте подождем.

– Миледи, это опасно! – запротестовал Адам, объезжая ее так, чтобы закрыть от взора всадников.

– У вас же есть оружие, – заметила Джорджиана. – Может, там кому-то нужна помощь.

– Не нужно к ним приближаться, – взмолился грум. – Прошу вас, миледи!

Джорджиана повиновалась, однако глаз с дороги не спускала. Вдруг тишину нарушили крики и ржание уже нескольких лошадей.

– Посмотрите, что там происходит, – попросила она Адама. – Умоляю! Пока мы тут стоим сложа руки, там, возможно, кого-то убивают. Я никогда себе этого не прощу.

Грум нахмурился.

– В мои обязанности входит присматривать за вами, миледи. Сэр Чарлз уволит меня без рекомендаций, если с вами что-то случится.

– Я все объясню сэру Чарлзу.

– Нет, мэм. Это небезопасно, – сказал грум.

Джорджиана стояла в нерешительности, и в этот момент конь без седока перемахнул через земляную насыпь и испуганно понесся по полю. Раздался громкий крик, и следом за конем кто-то побежал, но, видимо увидев их, остановился, а потом повернул назад.

– Проклятье, он нас заметил! – в отчаянии воскликнул Адам и, пришпорив коня, с пистолетом в руке помчался вперед. – Поймайте лошадь!

Джорджиана поняла, что он просто хотел, чтобы она оказалась подальше от того места, где произошло несчастье, и все же послушно хлестнула Аякса по боку и поскакала за беглецом. Вскоре раздался выстрел, один-единственный, и наступила тишина. Оставалось лишь надеяться, что с Адамом все в порядке.

Джорджиане не составило труда догнать коня: тот был напуган и, похоже, очень устал. Ей потребовалось несколько минут, чтобы успокоить несчастное животное, и лишь после этого она повела его к тому месту, где, видимо, кого-то ограбили.

Грум стоял на дороге.

– Они бросились наутек, едва завидев, что я с оружием. Но нам нужно отсюда убираться.

– Ой!.. Они его?.. – испуганно вскрикнула Джорджиана и прикрыла рот рукой.

Взгляд Адама продолжал скользить по окрестностям, и, не глядя на лежащее на земле тело, он произнес:

– Они могут вернуться. Когда доберемся до Осборн-Хауса, я пошлю за констеблем.

– Он... мертв? – наконец решила спросить Джорджиана. Мужчина на земле не подавал признаков жизни, и девушка почувствовала спазмы в желудке от дурного предчувствия. Похоже, и Адам не сомневался, что это человек мертв.

В следующее мгновение рука мужчины дрогнула, и, заметив это, с возгласом облегчения, Джорджиана прыгнула на землю и окликнула Адама:

– Он жив! Мы должны забрать его с собой. Помогите мне уложить его: думаю, этот конь принадлежит ему. Смотрите, к его седлу пристегнуты сумки с вещами.

– Нам не стоит вмешиваться, – нахмурился Адам. – Грабители могут вернуться! К тому же возможно, что он один из них. Я всего лишь их напугал, мадам. Давайте поторопимся...

– Так мы и поступим, но только вместе с ним, – решительно заявила Джорджиана, бросила груму поводья лошади незнакомца, и тот с недовольным выражением лица подхватил их. – Я не могу допустить, чтобы этот человек истек кровью и умер.

На земле возле головы незнакомца образовалась лужица крови, и Джорджиана никак не могла унять дрожь в руках. Несчастный лежал лицом вниз, без шляпы, в разорванном сюртуке, длинные темные волосы слиплись от крови. Девушка осторожно коснулась его спины, и ответом ей был судоро-

рожный вздох.

– Помогите же наконец! – прикрикнула она на грума, все еще не решавшегося подойти.

Что-то недовольно бормоча себе под нос, он неприязненно взглянул на несчастного.

– Ох, не выйдет из этого ничего хорошего, леди Джорджиана.

– Ничего хорошего не выйдет, если мы оставим его здесь. – Девушка взяла коня за поводья и привязала к стволу боярышника. – Нужно отвезти его в Осборн-Хаус: до города он может и не дотянуть.

Грум, не переставая недовольно ворчать, все же помог перевернуть мужчину на спину, и Джорджиана ужаснулась: лицо залито кровью, ворот рубашки, галстук и жилет с оторванными пуговицами – все пропиталось кровью.

Джорджиана старалась не смотреть, пока Адам пытался перекинуть раненого через седло. Незнакомец оказался не только высоким, но и мускулистым, так что задача была не из простых. Джорджиане пришлось прийти Адаму на помощь. Вот так ирония судьбы! Разве могла она представить, что впервые коснется бедра мужчины при таких обстоятельствах?

– А теперь поспешим, – произнес Адам, настороженно окидывая взглядом дорогу, словно грабители могли в любую минуту выскочить из-за поворота.

Он помог Джорджиане забраться в седло, а потом вскочил

в свое собственное, увлекая за собой чужого коня с окровавленной ношей на спине.

На протяжении всего пути до Осборн-Хауса Джорджиана не сводила взгляд с безжизненной фигуры. Одна рука незнакомца безвольно свисала до земли и раскачивалась в такт шагам лошади, а другая оказалась зажатой между его телом и седлом. Девушка не могла отделаться от мысли: «А что, если он так и умрет, не придя в себя?» – и мысленно молила: «Не умирай, пожалуйста, не умирай!» Она видела, как умер ее отец, и не хотела пережить подобный ужас снова. К тому времени как они свернули на подъездную аллею Осборн-Хауса, Джорджиана почувствовала себя лично ответственной за этого несчастного, отчаянно цеплявшегося за жизнь и полностью зависевшего теперь от нее.

Дворецкий Уильям выглядел несказанно удивленным, встретив всадников.

– Что это, Адам?

– Мы оказались свидетелями ужасного происшествия. – Джорджиана спрыгнула на землю и поспешила к неподвижной фигуре. – Нужно поскорее уложить его в постель и послать за доктором.

– Миледи?... – Дворецкий ошеломленно посмотрел на девушку.

– На него напали грабители! Ему необходима помощь!

– Конечно, но...

В этот момент на крыльце показалась Китти.

– Леди Уинстон... – с облегчением выдохнул дворецкий.

– Что случилось? – поспешила навстречу подруге Китти.

– Мы катались верхом и вдруг увидели на дороге каких-то людей. Адам по моей просьбе поехал посмотреть, что там, спугнул негодяев и увидел этого несчастного.

Джорджиане на мгновение показалось, что мужчина перестал дышать, и она содрогнулась от ужаса: только бы не умер, да еще здесь, на пороге дома подруги!

Китти бросила взгляд на грума:

– Ты уверен, что это не один из грабителей?

Пока грум в нерешительности мялся с ноги на ногу, тело незнакомца стало сползать с седла. Адам, вскрикнув, бросился к коню и успел подхватить раненого прежде, чем тот успел удариться головой о землю. Бедняга растянулся на спине с неловко раскинутыми руками, голова склонилась на плечо как у пьяного. Кровь с его лица немного стерлась о шкуру коня, и Джорджиана смогла разглядеть его черты, несмотря на то что одна щека заметно опухла. Из горла ее вырвался сдавленный крик и Китти, склонившаяся было над раненым, тотчас же выпрямилась.

– Что такое? Что случилось?

Но Джорджиана лишь смотрела на подругу, не в силах произнести ни слова.

Китти обошла лежащего без сознания мужчину и сжала руки подруги в своих.

– Ты побледнела как смерть: того и гляди лишишься

чувств. Что происходит?

– Я... я знаю, кто это, – еле слышно пролепетала Джорджиана.

Китти прищурилась.

– Правда? И кто же это?

Если сказать правду, Китти откажется ему помогать, промелькнуло у девушки, и он умрет от кровопотери, так что жизнь его теперь в их руках... в ее руках. Сердце Джорджианы болезненно сжалось, и она покачнулась, едва не упав, но справилась и вцепилась в подол своего платья так крепко, что заболели пальцы.

– Это Стерлинг, мой жених.

Глаза Китти стали круглыми точно плоски.

– Святые небеса! О, моя дорогая, неудивительно, что ты так взволнована! Но не впадай в отчаяние. Мы сделаем для него все, что в наших силах. – Китти порывисто обняла Джорджиану, потом развернулась к слугам: – Адам, пулей за доктором! Джон, Ангус, сюда немедленно! Мы должны занести его в дом! Миссис Хилл! Приготовьте постель в зеленой спальне да пошлите Люси вскипятить большую кастрюлю воды. Пусть также принесет бинты, много бинтов, и мою корзинку с рукоделием... Быстро!

Подхватив за руки за ноги, лакеи втащили раненого в дом. Китти спешила впереди, отдавая приказания и одновременно отвечая на вопросы взволнованной свекрови и Женевы.

На мгновение оставшись в одиночестве, Джорджиана хо-

тела было закрыть горевшее от стыда лицо руками, но испуганно вскрикнула при виде собственных окровавленных пальцев. Господи, как много крови: на ней, на нем, осталось на дороге в том месте, где его нашли, и вот теперь на подъездной аллее Осборн-Хауса! Джорджиана порывисто вытерла руки подолом платья, стараясь не думать о том, что натворила, и сказала себе, что поступила так ради спасения жизни.

Интересно, как воспримут Уинстоны известие, когда узнают, что мужчина, которого она спасла, вовсе не виконт Стерлинг, ее красавец возлюбленный, а маркиз Уэстмарленд, явившийся сюда, чтобы лишить их крыши над головой.

Глава 5

Кровавый след тянулся через весь холл и поднимался вверх по лестнице, пропитывая ковры. Ухватившись за перила и избегая алых отметин, Джорджиана медленно поднялась по ступеням и остановилась у отведенной для раненого комнаты. Дверь была распахнута, и Джорджиана увидела Китти и слуг, суесящихся вокруг человека, явившегося разрушить их жизнь.

Накануне Китти получила второе письмо от Чарлза, но ничего не сказала ни матушке Уинстон, ни Женева, а Джорджиане показала. Совершенно подавленный, Чарлз признался жене, что вынужден был выставить Осборн-Хаус в качестве гарантии в споре с маркизом. Впоследствии маркиз потребовал документы на дом, и мистер Уиллис, поверенный Уинстонов в Лондоне, по неосмотрительности передал их маркизу прежде, чем Чарлз успел его предупредить. Чарлз уверял жену, что не собирался выполнять требования маркиза, поскольку тот заполучил дом обманом, и вновь и вновь умолял не пускать его на порог и даже не разговаривать с ним, если появится в Дербишире. Письмо заканчивалось сообщением, что маркиз собирается превратить Осборн-Хаус в обитель греха.

Хоть Чарлз и заверял Китти, что подобного никогда не произойдет, та тихо кипела от ярости, поклявшись защи-

щать свой дом и семью всеми возможными способами. Видя состояние подруги, Джорджиана не стала повторять свою шутку про испорченный костюм маркиза, поскольку та больше не казалась смешной. Позже Китти отправила мужу и своему поверенному мистеру Джексону письма, но в доме никто уже не сомневался в том, что Чарлз совершил какую-то глупость. Джорджиана не знала, может ли маркиз Уэстмарленд законно предъявить свои права на дом, но это не будет иметь никакого значения, если Китти узнает имя раненого: его просто убьют.

Ну вот, теперь глупцов стало двое: Чарлз и она сама.

Джорджиана судорожно сглотнула в попытке справиться с тревогой: почему именно она оказалась в столь затруднительном положении? Пока раненого не перевернули на спину, у нее сомнений не было, что необходимо сделать все возможное для спасения этого несчастного, но когда узнала в нем маркиза Уэстмарленда, ее охватил неподдельный ужас.

Как и все в Осборн-Хаусе, Джорджиана его ненавидела, но если бы сказала Китти правду, то подруга вряд ли захотела бы ему помочь, а Уэстмарленд потерял столько крови, что много времени ему бы не потребовалось для того, чтобы умереть.

Никто, даже вероломный маркиз, не заслуживал такой смерти, именно поэтому Джорджиана и назвала имя человека, которому Китти никогда не отказала бы в помощи.

Когда маркиз очнется и станет известно, кто это на самом

деле, Китти придет в ярость и совершенно справедливо обвинит подругу в том, что та пригрела на груди змею. После этого Джорджиану наверняка прогонят прочь, и на этом их дружбе придет конец. При мысли об этом желудок Джорджианы болезненно сжался.

Но что, если он вообще не очнется? Что, если умрет прямо здесь? Китти думает, что это Стерлинг, поэтому непременно захочет написать лорду Пелхэму, его отцу, и отправить тело в их родовое имение. И тогда Джорджиане придется рассказать правду и вместе с Китти сообщить герцогу Роленду о кончине его старшего сына и наследника. Если Джорджиана и знала что-то наверняка, так это преданность герцога семье. Если он узнает, что Уинстоны не оказали помощь его сыну из-за закладной...

Господи! От таких мыслей раскальвалась голова. А может, она заболела? Девушка уже хотела было отправиться к себе, залезть под одеяло и не показывать носа до тех пор, пока не придумает выход из этого кошмара, но тут Китти схватила ее за руку.

– Не стоит отчаиваться! Теперь, когда мы смыли кровь, все выглядит не так уж плохо. К тому же Адам скоро привезет доктора. Хочешь, сама посмотри.

– О нет... я... я... не могу, – заикаясь, пролепетала Джорджиана, краем глаза увидев горку окровавленных полотенец.

Маркиз недвижно лежал на кровати, и девушке совершенно не хотелось смотреть, как он умирает.

– Это и понятно, – сочувственно кивнула Китти. – Ты испытала ужасный шок. Иди приляг, а когда он придет в себя, я за тобой пришлю.

«Когда он придет в себя». Нет, допустить, чтобы все узнали, что никакой он не Стерлинг, а маркиз Уэстмарленд, хладнокровный разрушитель семейного благополучия, Джорджиана не могла и, заставив себя улыбнуться, заявила: – Я должна быть рядом, когда он... если придет в себя.

И все же ноги ее заметно дрожали, когда переступила порог комнаты. Воздух успел пропитаться острым запахом крови. Китти что-то тихо сказала двум служанкам, и те, подобрав с пола грязные полотенца, выскользнули за дверь.

– Ты уверена, что он не умрет? – тревожно спросила Джорджиана и тотчас же пожалела о своих словах.

– Никто не может сказать наверняка, но клянусь: мы сделаем все возможное, чтобы он выжил.

Дверь отворилась, вошла одна из служанок и поставила возле кровати таз с чистой водой.

– Давай, пока не приехал доктор, ополоснем его.

Сама заварила эту кашу, самой и расхлебывать. Джорджиана коснулась руки маркиза, покоившейся на матрасе, и заметила на пальце массивное золотое кольцо с печаткой. Странно. Почему грабители его не забрали? Оно ведь наверняка ценное. Разглядела она и вытисненную букву У, чего у Стерлинга быть никак не могло. Украдкой взглянув, не смотрит ли Китти, Джорджиана сняла с пальца маркиза кольцо и

спрятала в карман.

Последовавшие за этим полчаса стали для Джорджианы настоящим испытанием. С помощью одного из лакеев подружки сняли с раненого всю одежду, кроме бриджей из оленьей кожи, что послужило хоть и небольшим, но все же утешением для девушки. Служанка Люси унесла грязные вещи, оставив Джорджиану и Китти отмывать от крови лицо и торс раненого.

– Здорово ему досталось, – пробормотала Джорджиана, коснувшись огромного кровоподтека на его ребрах и стараясь не смотреть на лицо, иначе не смогла бы побороть чувство вины.

– Кости вроде бы целы, а это уже хорошо. – Китти сполоснула и насухо вытерла раненому руку. Ее движения были настолько осторожными и нежными, словно всю жизнь она только и делала, что оказывала помощь раненым.

– Откуда ты можешь это знать? Ведь он без сознания. – Девушка осторожно отерла запекшуюся кровь с опухших костяшек пальцев маркиза. Он вполне мог получить эту травму в результате падения.

Хотя Джорджиана была уверена, что она появилась во время драки с нападавшими. Они с грумом отчетливо видели двоих. Но ведь их могло быть и больше. Поэтому даже такой высокий и сильный человек, как Уэстмарленд не смог им противостоять.

Подбоченившись, Китти еще раз оглядела раненого и уве-

ренно заявила:

– Я не вижу никаких искривлений или значительных отеков, но точнее может сказать только доктор... или он сам, когда очнется.

Джорджиана вздрогнула, но Китти, неверно все истолковав, обошла вокруг кровати и порывисто обняла подругу за плечи.

– Не стоит терять присутствия духа.

– Просто... просто все это так...

К собственному ужасу, Джорджиана вдруг поняла, что вот-вот расплечется: нет, не из-за Уэстмарленда – он как минимум еще несколько дней не сможет причинить никому вреда, – а от охватившего ее страха. Осознание того, что натворила, с каждой секундой становилось все реальнее. Стоило ей на мгновение представить, как маркиз входит в дверь и заявляет, что теперь Осборн-Хаус принадлежит ему и все должны немедленно его покинуть, как по спине пробегала ледяная дрожь.

Нет, это невозможно, он не может так поступить. Джорджиана постаралась успокоиться и инстинктивно сжала руку раненого. Она ему не позволит. Очнувшись, маркиз не сразу поймет, где находится, и от этого почувствует себя уязвимым. Вот тогда-то она и постарается его убедить не причинять вреда Китти, потому что ее семья спасла ему жизнь. И если он действительно взял у Чарлза закладную, то просто обязан немедленно ее вернуть. Ей очень хотелось верить, что

маркиз не может отплатить злом за добро.

Если же он вдруг воспротивится, придется применить физическое воздействие: ведь она знает, куда ударить, не так ли? Когда выход из положения, как ей казалось, был найден, Джорджиана начала успокаиваться. Оставалось лишь не прозевать, когда маркиз придет в себя, и оказаться рядом.

– Да, ты права: надо собраться. – Подруги обнялись и обменялись улыбками. – Нельзя терять надежду.

– Ты не говорила, что лорд Стерлинг так красив, – заметила Китти.

Не в силах смотреть на подругу, Джорджиана отвернулась, якобы стереть кровь со своих пальцев.

– Ты просто забыла. Господи, Китти, неужели ты могла подумать, что я способна выйти замуж за уroda?

Китти рассмеялась.

– Конечно, нет! Я всегда знала, что у тебя хороший вкус. Просто мне показалось, что ты описывала его внешность несколько иначе.

– В самом деле? – постаралась изобразить удивление Джорджиана. – Уверена, что ты что-то путаешь...

Китти с явным восхищением смотрела на лежавшего без сознания мужчину, и Джорджиана невольно проследила за ее взглядом. Высокий и широкоплечий, маркиз выглядел и сейчас великолепно, а уж если улыбнется и на его щеках проступят очаровательные ямочки...

О господи! Да что это с ней! Она ведь понятия не имела,

есть ли у него на щеках ямочки, поскольку ни разу улыбающимся не видела.

– Поскорее бы только пришел в себя, – изобразила озабоченность Джорджиана.

– Конечно! – Китти поправила простыню. – Прости, я сморозила ерунду: он в таком состоянии...

– Ничего страшного.

К счастью, в этот момент в дверь постучали, и Китти переключила внимание на вошедшего слугу. Джорджиана мрачно смотрела на маркиза и думала, что придется следить за каждым своим словом, чтобы ее не уличили во лжи.

– Уильямс принес вещи лорда Стерлинга, – пояснила Китти. – Их не так много, и я приказала отнести в твою комнату, чтобы не затерялись.

– О, он всегда путешествует налегке, – не моргнув глазом солгала Джорджиана. – Думаю, он не собирался здесь задерживаться, просто хотел сделать мне сюрприз.

И тут же ее охватила тоска. Вот бы это оказалось правдой и Стерлинг действительно очутился здесь, только не избитый до полусмерти, а с улыбкой и очаровательными ямочками на щеках и сказал, целуя руку: «Просто захотел убедиться, что ты отчаянно по мне скучаешь».

От Китти не ускользнуло, как изменилось выражение лица подруги, и она заметила:

– Знаешь, дорогая, тебе следует отдохнуть, а я посижу с ним до приезда доктора.

– Нет-нет, со мной все в порядке! – Джорджиана схватила полотенце и опустила в таз с водой. – Я останусь здесь.

– Ты вся вымазалась в крови, пойди хотя бы переоденься.

– Это не важно. Вот доктор осмотрит его, тогда и приведу себя в порядок. – Понимая, что Китти и не думает уходить, Джорджиана стянула перепачканный кровью жакет и откинула в сторону. – Все будет в порядке, так что можешь идти.

– Ладно. – Китти коснулась руки подруги. – Если что-то понадобится, я рядом.

– Спасибо, дорогая, – с жаром проговорила Джорджиана. – За все.

«Особенно за то, о чем не стала расспрашивать».

– Не стоит благодарности. – Забрав с собой ее перепачканный жакет, Китти вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Повисшая в спальне тишина показалась Джорджиане оглушающей, и, глубоко вдохнув, впервые с того момента, как узнала его на подъездной аллее Осборн-Хауса, она всмотрелась в лицо маркиза, потом ее взгляд скользнул на мерно вздымавшуюся обнаженную грудь, покрытую темной кудрявой порослью...

Нос и губы маркиза были отмыты от крови, но в остальном его лицо все еще покрывали кровавые разводы. Джорджиана вытащила из воды полотенце, отжала и осторожно смыла с его лица следы крови. Это ничего не изменило, но теперь он чуть меньше напоминал без пяти минут мертвеца.

У нее вдруг возникло желание смыть с него всю кровь: ее было так много, что, слишком яркая, она просто резала глаза.

Волосы маркиза высохли, и теперь торчали в разные стороны. Подтащив таз поближе, девушка неловко подсунула его под голову раненого, так чтобы можно было вымыть. Вода тотчас же стала бордовой, когда в нее погрузились длинные волосы маркиза. Заскрежетав зубами при мысли, что ее руки опять обогрятся кровью, Джорджиана принялась за дело, но всякий раз, когда пальцы касались очередной раны, болезненно морщилась.

Если бы кто-то сказал ей, что столь интимные вещи она будет проделывать с совершенно незнакомым мужчиной, никогда бы не поверила, поскольку считала это неправильным и недопустимым. Уэстмарленд пришел бы в ужас, узнав, что какая-то девчонка не только спасла ему жизнь, но и вымыла практически с ног до головы. У маркиза наверняка отвисла бы челюсть.

Ей очень хотелось, чтобы маркиз оказался у нее в долгу, поэтому даже самую неприятную работу она не могла поручить слуге: Уэстмарленд мог в любую минуту открыть глаза и заявить, что дом теперь принадлежит ему, и что все его обитатели должны убраться отсюда как можно быстрее. Кроме того, такая близость постороннего мужчины действовала Джорджиане на нервы, и она наверняка вскрикнула бы от ужаса и лишилась чувств, если бы маркиз вдруг открыл глаза и спросил, что она тут делает.

– Лучше бы тебе очнуться смиренным, с глубокой благодарностью за все, что для тебя сделали, – прошептала Джорджиана, расчесывая пальцами мокрые волосы маркиза. – Иначе я всерьез задумаюсь, не вернуть ли тебя туда, откуда взяли.

Раненый ничего ей не ответил: дышал очень тихо, в лице – ни кровинки. И это лишало присутствия духа, поскольку Джорджиана видела его только в отличной форме: циничный и элегантный, он стоял у стены с бокалом вина в руке, лениво обозревая зал в поисках объекта для насмешек. Его глаза цвета ореховой скорлупы завораживали. Однако его надменность вызывала неприязнь, к тому же он не обладал обаянием Стерлинга. Джорджиана неоднократно повторяла себе, что в мужчине ее привлекает в первую очередь ум, а еще – способность смеяться, но не над другими. По ее мнению, мужчина должен внушать уважение, а не страх. Но маркизу Уэстмарленду, похоже, не было никакого дела до того, что о нем думают окружающие. Благодаря титулу, состоянию и положению в обществе он возвышался над другими людьми.

И вот теперь он лежал перед ней – совершенно беспомощный, как ребенок, и полностью зависел от нее и... ее способности мастерски лгать окружающим.

Доктор приехал лишь под вечер. Верная своему слову, Джорджиана не покидала раненого и словно пребывала в ступоре, опасаясь отвести взгляд от его лица. Впрочем, страхи ее были напрасны: о том, что Уэстмарленд жив, свиде-

тельствовала лишь время от времени вздымавшаяся грудь. Услышав стук копыт на усыпанной гравием подъездной аллее, девушка вздохнула с облегчением.

Вердикт доктора оказался вполне ожидаемым: переломов и опасных травм нет, а обильное кровотечение от многочисленных ран на голове.

– Но он поправится? – обеспокоенно спросила Джорджиана.

Доктор, которого Китти уже поставила в известность, что ее гостя – невеста раненого, улыбнулась.

– Организм молодой и крепкий, так что я думаю, он выкарабкается. Главное сейчас – покой и уход.

– Вот и замечательно! Спасибо, доктор Элтон, – тепло поблагодарила эскулапа Китти.

– Конечно, даже при лучшем развитии событий для выздоровления потребуется время, – предупредил доктор. – Если вдруг у него будет жар или начнется лихорадка, придется прибегнуть к кровопусканию.

Желудок Джорджианы болезненно сжался при мысли о крови, и она проговорила:

– Я о нем позабочусь. Китти, не могла бы ты прислать обед сюда?

Китти сдвинула брови.

– Мне понятно твое беспокойство, но и о себе тоже нужно подумать. Доктор Элтон вполне может тебя заменить, а ты спустись в столовую.

– Нет-нет, я останусь здесь. – Китти хотела возразить, но Джорджиана, понизив голос, добавила: – Если бы на его месте оказался Чарлз, ты бы ушла?

– Нет, конечно, – без колебаний сказала Китти и кивнула: – Хорошо, пришлю слугу с подносом.

Джорджиана в очередной раз испытала угрызения совести: надо же так бесстыдно и малодушно лгать, да еще лучшей подруге! Но ведь это для благой цели, не так ли? А как открыть Китти правду, она подумает позднее. И все же подобные мысли не уберегли ее от сознания, что с каждой минутой она все глубже увязает в собственной лжи.

Глава 6

Его разбудил зуд.

Нет в жизни ничего более раздражающего, нежели зудящая кожа, которую невозможно почесать. Это место оказалось на голове чуть выше виска. Ему ужасно хотелось почесаться, но руки отказывались слушаться, как ни пытался напрягать и расслаблять мышцы.

Если уж на то пошло, он вообще не чувствовал своих рук.

Усилием воли Роберт заставил себя открыть глаза, однако предметы расплывались. Господи, что с ним такое? Неужели не только парализован, но и ослеп?

По его ощущениям, целый час потребовался на то, чтобы сфокусировать взгляд. Глаза горели и слипались, наверное от того, что были закрыты слишком долго. Но вот только почему? После некоторых размышлений он понял, что это вовсе не сон. Неужели опять напился? Раз эта мысль первой пришла в голову, значит, подобное случалось с ним довольно часто. Однако он никак не мог отделаться от ощущения, что на сей раз это не пьяный сон – слишком уж долго длился. Так что же такое он выпил?

И почему не может вспомнить детали пирушки?

Еще одним усилием воли он заставил себя оглядеться. Комната была ему совершенно незнакома – бледно-зеленые стены, простой потолок, несколько ничем не примечатель-

ных картин... От всего этого стало неуютно и беспокойно. Попытавшись повернуть голову, он едва не вскрикнул от пронзившей мозг боли, когда льющийся в окно солнечный свет резанул по глазам точно бритвой.

Рядом с кроватью послышался шорох, и мужской голос спросил:

– Милорд? Вы проснулись?

– Нет, не знаю...

Шевелить сухими потрескавшимися губами оказалось слишком больно. Он вдруг пожалел, что пришел в себя, и опять закрыл глаза, чтобы не видеть ослепляющего света.

– Пожалуйста, не засыпайте, – быстро произнес незнакомый голос. – Скажите, еще больно? Где именно болит?

«Везде».

– Где я? – с трудом проговорил раненый, вдруг действительно отчетливо ощутив боль в каждой косточке своего тела. – Кто вы?

– Даниел Элтон, ваша светлость. Местный доктор. Леди Уинстон послала за мной, когда вас нашли.

Элтон? Уинстон? Эти имена были ему незнакомы. Где он? И как здесь оказался? Должно быть, он...

Его охватило похожее на панику чувство. Что же это за место? И как он сюда попал?

– Лорд Стерлинг, очнитесь... лорд Стерлинг, – все громче и громче раздавался чей-то голос. – Вы меня слышите?

– Да...

«Очень хорошо слышу. Заткнитесь, пожалуйста».

Доктор опять что-то говорил, но раненый уже не прислушивался. Но вот до его слуха донесся еще один голос – приглушенный и взволнованный – и явно женский. Роберт заставил себя открыть глаза, и на сей раз взгляд сфокусировался быстрее. Склонившись над кроватью, ему улыбался доктор Элтон, немолодой мужчина с густой седой шевелюрой и очками на длинном мясистом носу.

– А, видите, он очнулся! – сказал он кому-то и махнул рукой. – Проходите, миледи.

В поле зрения Роберта появилась девушка необыкновенной красоты: лицо ее обрамляли золотистые локоны, выбившиеся из пучка на затылке, огромные зеленые глаза смотрели взволнованно и настороженно, пухлые розовые губы чуть подрагивали. Кто это?

Было, конечно, очень приятно очнуться и увидеть перед собой такую красоту, но все же неплохо было бы узнать, кто все эти люди и почему он здесь.

– Не ожидали, верно? – отчего-то развеселился доктор. – Все это время она не отходила от вашей постели, лорд Стерлинг.

Закусив губу, девушка поставила поднос, который держала в руках, на стол, и подошла ближе, хотя выглядела до смерти перепуганной:

– Как вы себя чувствуете, сэръ?

– Не самым лучшим образом... – О господи, ну и бас!

Будто все еще не пришел в себя после попойки. Что все-таки произошло? – Где я?

– Как, вы не... – воскликнул доктор, но раненый, поморщившись, прервал его.

Тогда девушка попросила, понизив голос:

– Доктор Элтон, не будете ли вы так любезны оставить нас на минуту? Его светлость очень устал и... должно быть, сбит с толку после этого ужасного происшествия...

Какого происшествия? Роберт сдвинул брови, хотя кожа от этого на лбу болезненно натянулась.

– Конечно, мадам, – немного помедлив, произнес доктор. – Поговорю с кухаркой насчет бульона для нашего подопечного.

– Да, прекрасно! – слишком поспешно ответила девушка и, взглянув на раненого своими зелеными глазами, быстро отвернулась. – Спасибо.

– Подождите, – остановил доктора Роберт, тщетно пытаюсь поднять руку. – Может, скажете, что со мной произошло?

– На вас напали грабители, – ответила почему-то девушка. – И сильно избили. Поэтому вам лучше лежать спокойно и не разговаривать. У нас еще время все обсудить, когда вам станет получше.

Роберт вздрогнул, ничего не понимая:

– Грабители? Но как...

– Да, на дороге, – быстро проговорила девушка и повернулась к доктору, топтавшемуся у изножья кровати: – Ми-

стер Элтон, бульон...

Ну хоть что-то прояснилось: теперь понятно, почему раскалывается голова и боль во всем теле. Только как он мог очутиться в таком месте, что на него напали? Что забрали? И где, черт возьми, он сейчас?

Между тем доктор, игнорируя попытки девушки выпроводить его за дверь, пояснил:

– Вас сбросили с коня и несколько раз ударили по голове на дороге в Мэрифилд, поэтому нужно время на то, чтобы ваша мозговая деятельность восстановилась... если это вообще произойдет.

– Что?..

– Шшш... – Девушка чуть придержала его за плечо, пресекая попытки подняться. – Прошу вас, лежите спокойно. Доктор Элтон, принесите же наконец бульон!

Прозвучавшие в ее голосе приказные нотки, заставили доктора направиться наконец к выходу.

– Скажите, – произнес раненый, – где я? Почему? Кто вы такая? Я совершенно ничего не помню!

– Вы в Осборн-Хаусе, милорд, – опять встрял доктор, уже взявшись за ручку двер. – Приехали навестить свою невесту.

– Кого? – выдохнул Роберт.

Доктор удивленно заморгал и указал на зеленоглазую красавицу:

– Как кого? Леди Джорджиану.

Уэстмарленд ошеломленно уставился на девушку и готов

был поклясться, что видел ее впервые в жизни.

Та тем временем нагнулась поправить подушку у него под головой, и он судорожно втянул носом воздух, ощутив острую боль в шее: тело было пока не готово к таким движениям.

– Доктор Элтон, разве не вы говорили, что, когда он очнется, ему потребуется бульон, – раздраженно проговорила девушка. – Сходите же за ним!

– Конечно, мадам. Отдыхайте, лорд Стерлинг, и не волнуйтесь: скоро вы все вспомните. Но уже сейчас вам следует знать, что она спасла вам жизнь. – Доктор одарил пациента улыбкой, призванной обнадежить.

Собственный мозг напоминал маркизу камень. У него есть невеста... которую он совершенно не помнит. Он находится в доме, название которого ему незнакомо, а кроме того, непонятно, почему он оказался именно здесь. К тому же доктор все время говорит...

– Стерлинг... Почему вы так меня называете? – окликнул он Элтона, и тот замер перед дверью.

– Вам незнакомо это имя? – Перемена в голосе пациента насторожила доктора, и улыбка его померкла.

Вместо ответа Роберт перевел взгляд на девушку: та перестала поправлять то одно, то другое, замерла в нерешительности и подняла голову.

– Нет, я не знаю, кто это.

Доктор поправил на носу очки и подошел ближе.

– Нет? Вы уверены?

– Он бредит, неужели не видите? – почему-то с отчаянием в голосе воскликнула девушка, положив руку ему на лоб и фактически закрыв глаза. Ее кожа оказалась мягкой, прохладной и такой успокаивающей, к тому же заслонила глаза от света. – Доктор, он действительно нуждается в отдыхе!

– Но как это возможно – не помнить собственного имени? – Сдвинув брови, доктор вернулся к кровати. – Вы не узнаете и свою невесту, леди Джорджиану?

Роберт чуть отстранился от ее ладони и заглянул в испуганные зеленые глаза.

– Нет, мне она незнакома.

– А свое имя вы знаете?

– Конечно, знаю: я...

– Он дезориентирован! – едва не выкрикнула Джорджиана. – Доктор, вы только усугубляете!

Бесцеремонно схватив мистера Элтона за руку, она буквально вытолкала его из комнаты и захлопнула с громким стуком дверь.

Мужчина замер. Он лежал и смотрел в потолок, желая заснуть и не просыпаться до тех пор, пока его мозг и окружение не придут в порядок. Девушка его перебила, однако от внимания доктора не ускользнул тот факт, что его пациент попросту не знает ответа на поставленный вопрос.

Он не помнил собственного имени. Пауза затянулась, и если бы леди Джорджиана ее не заполнила, это стало бы оче-

видно.

– Ну слава богу! – Джорджиана вернулась к постели раненого. – Два дня твердил про бульон, а тут как приклеился. Надеюсь, не вернется раньше, чем его приготовят. Должно быть, вы проголодались...

– Два дня... – повторил Роберт. – Я что, проспал два дня? Девушка не подняла на него глаз.

– Вообще-то три. Вы и правда ничего не помните?

А вот этот вопрос не обнадеживал: судя по всему, избili его основательно.

– Нет, почти...

Облизав губы, девушка бросила взгляд на дверь.

– Вы не помните, зачем сюда приехали?

– Нет. – Он попытался улыбнуться, но вышла скорее усмешка. – Но ведь вы мне поможетe восстановить в памяти все события?

Девушка поморщилась.

– С чего начать?

– Он сказал, что вы моя невеста. Это правда? Поверить не могу, что такую женщину, как вы, возможно забыть. Мы действительно помолвлены?

Девушка, зардевшись, медленно опустилась на кресло возле кровати, и Роберту стало неловко.

– Простите... Кажется, я действительно мало что помню. – Уэстмарленд немного помолчал. – Доктор называл меня Стерлингом, но мне это имя не кажется знакомым... Зо-

вут меня Роберт, это я знаю точно, а вот Стерлинг...

– Стерлинг – это титул, – быстро пояснила девушка, отводя взгляд. – Виконт Стерлинг.

Однако и это не вызвало никакого отклика в его душе, и маркиз почувствовал панику.

Заметно нервничала и Джорджиана, постукивая пальцами по коленке.

– Вы запомнили только имя? – произнесла она тихо.

– Да, простите... – Глаза закрывались сами собой, и он протянул девушке руку. – Мне очень жаль...

– О нет, не стоит извиняться! – Джорджиана коснулась его руки и нежно, но вместе с тем решительно чуть сжала пальцы.

Роберт заметно расслабился. Его не покидало ощущение, что сознание его совершенно отделилось от тела и существует в параллельной Вселенной. Происходящее кого угодно выбьет из колеи, но у него не было сил на гнев или страх. Ее имя Джорджиана, она не отходит от него ни на минуту и, по словам доктора, спасла ему жизнь. Похоже, эта девушка его единственная путеводная звезда, которая не покинет. Собравшись с силами, он пожал ей руку в ответ и тут же погрузился в небытие.

Джорджиана боялась пошевелиться, чтобы не потревожить раненого, и по-прежнему сидела в кресле, несмотря на то что занемела спина. Его пальцы все еще лежали на ее ру-

ке. За эти три дня она ужасно устала, и не столько физически, сколько от того, что каждый раз впадала в панику при одной лишь мысли, что он очнется в ее отсутствие и откроет окружающим всю неприглядную правду.

И опасения Джорджианы едва не оправдались. Она уже приготовилась к объяснениям, но увидев маркиза, поняла, что он действительно не помнит ее.

Прежде чем Джорджиана успела решить, как ей реагировать на это: испытывать облегчение или негодовать из-за того, что маркиз совершенно не обратил на нее внимания во время их редких встреч в Лондоне, – стало ясно, что он и правда ничего, кроме своего имени, не помнит.

Возможно, теперь все не так ужасно, как казалось вначале. Джорджиана пыталась убедить себя, что после таких побоев, какие перенес маркиз, кто угодно маму родную бы не вспомнил. Пусть придет в себя, окрепнет настолько, чтобы снова стать собой – острым на язык, высокомерным маркизом Уэстмарлендом, – и тогда уже можно с него и спесь сбить.

Все время, пока сидела у его постели, Джорджиана ломала голову, как это осуществить. Для начала мысленно составила целый список грехов маркиза, начиная с высмеивания окружающих на балах и званых вечерах и заканчивая азартными играми с безрассудными ставками, вследствие которых игроки лишали своих домашних крыши над головой. Чем больше Джорджиана думала о мести, тем с большим нетерпением ждала его выздоровления.

Она даже пыталась представить, как все произойдет. Если даже его охватит гнев от ее резкой критики, он слишком слаб, чтобы что-то предпринять, и ему придется ее выслушать. Поскольку он обязан ей жизнью, она, конечно же, потребует обещания покинуть Осборн-Хаус и никогда сюда не возвращаться. А еще заставит поклясться, что Китти не узнает его настоящее имя, и попросит написать Чарлзу, что прощает ему все долги.

Маркиз, конечно, будет бросать на нее убийственные взгляды в процессе написания письма, которое потом запечатает собственным кольцом, что хранится сейчас в ее комнате, но ее это нисколько не тронет. Девушка даже придумала, как поскорее избавиться от него Осборн-Хаус. Она скажет Китти, что его дядя срочно вызвал в Сомерсет, даже придумала текст письма с описанием болезни, угрожавшей его жизни. Впрочем, ее вряд ли можно было упрекнуть в отсутствии воображения.

Джорджиана все еще сидела возле кровати, когда вернулся мистер Элтон и, зацокав языком, жестом приказал служанке поставить на стол поднос с бульоном.

– А, он опять уснул, да?

Джорджиана дождалась, пока Люси скроется за дверью, и тихо спросила:

– Это нормально, когда, приходя в себя, человек ничего не помнит?

– После множества ударов по голове это вовсе не ред-

кость, – пожал плечами доктор. – В таких случаях часто наблюдается спутанность сознания. И все же меня настораживает то обстоятельство, что он не вспомнил вас...

– Но ведь вспомнит? Может, когда очнется в следующий раз?

– Возможно, – медленно проговорил мистер Элтон. – Нам остается только ждать и надеяться.

Он подошел к окну, задернул занавески, и Джорджиана осталась в полной темноте, одна, в ужасе глядя на спящего маркиза. Ее сердце колотилось как сумасшедшее, руки похолодели, и она молила Господа, чтобы Уэстмарленд не проснулся.

Ей даже в голову не приходило, что будет гораздо хуже, если, очнувшись, он поверит в ее безумный, лживый от начала до конца рассказ.

Глава 7

Когда Уэстмарленд очнулся, было темно. Осторожно приоткрыв глаза, Роберт вздохнул с облегчением, оттого что комнату освещала лишь лампа. То ли благодаря полумраку, то ли ему помог продолжительный сон, но он почувствовал себя настолько лучше, что смог оглядеться.

Было слишком темно, чтобы в деталях разглядеть убранство незнакомой комнаты, но зато он увидел ее. Леди Джорджиана сидела в кресле, стоявшем подле кровати, и, подперев щеку рукой, спала. Раздавался храп, но маркиз был уверен, что этот звук исходит не от нее.

Его невеста.

Он смотрел на спящую девушку, силясь извлечь хоть какие-то воспоминания из своего все еще затуманенного сознания. Леди Джорджиана очень красива, однако маркиз не мог припомнить, как попал в этот дом, откуда приехал и зачем, так же не мог припомнить, где познакомился с этой девушкой, как ухаживал за ней, как танцевал и целовался с ней, как сделал предложение. Возможно, их помолвку организовали родители?

Нет. Он ни за что не согласился бы на такой брак.

Эта мысль застала его врасплох и поразила до глубины души. Что ж, значит, он хотел жениться на этой девушке, и чувство было взаимным. Доктор сказал, что она провела

возле его кровати три дня.

Он все смотрел на леди Джорджиану, когда она вдруг открыла глаза. С мгновение они молча взирали друг на друга, потом девушка сказала:

– Вы проснулись... Как себя чувствуете?

– Вроде бы неплохо. – Маркиз сжал пальцы и чуть пошевелился, пытаясь размять затекшую шею.

Джорджиана вскочила с кресла, поправила подушки и помогла ему принять более удобное положение:

– Так лучше?

– О да... – От нее так приятно пахло... апельсинами? Маркиз откашлялся и попросил: – Не могли бы вы объяснить, что произошло?

Девушка опустилась на краешек кресла.

– Вы так ничего и не вспомнили?

– Я пытаюсь.

Особенно Роберту хотелось вспомнить то, что связано с ней.

– Я не знаю, что именно произошло, – медленно проговорила Джорджиана, пожав плечами.

– Ну хоть что-то же вам известно?

Девушка глубоко вздохнула и, опустив голову, словно рассматривала что-то на своем подоле, начала:

– Я каталась верхом в сопровождении грума, когда услышала шум на дороге...

– Нет, до этого, – перебил ее маркиз. – Это ваш дом?

В том, что этот дом не его, Роберт был совершенно уверен.

– Нет, Осборн-Хаус принадлежит семье моей подруги. – Леди Джорджиана взглянула на него из-под пушистых ресниц, словно ожидала его реакции. – Это в Дербишире. – И снова выжидательный взгляд.

Маркиз беспомощно повел плечом: эти названия ни о чем ему не говорили. А должны бы, раз здесь находится его невеста.

Вздохнув, Джорджиана сложила руки на коленях.

– Хозяйка дома леди Уинстон недавно родила и не смогла принять участие в сезоне в этом году, поэтому я приехала ее навестить. Здесь чудесно. Как я уже говорила, мы катались верхом, когда услышали шум. Грум отправился взглянуть, что происходит, и обнаружил на дороге вас – окровавленно-го, без сознания. Грабители сбежали – Адам спугнул их выстрелом.

– Сколько их было? – спросил маркиз.

– Мы видели двоих, но, возможно, их было и больше.

Роберт расстроился: что это с ним? Старееет, что ли? Да когда такое было – с ним не только справились, но и избили до полусмерти. В общем, гордиться нечем.

– Осборн-Хаус оказался ближе, чем деревня, поэтому вы здесь, – добавила девушка.

Маркиз сдвинул брови, насколько позволяла саднящая кожа.

– Почему же вам на ум пришла деревня, раз вы гостите

здесь?

Джорджиана растерянно заморгала и не сразу нашлась что сказать.

– О... Я не сразу вас узнала. Ведь вы были в крови...

– Разве я приехал не для того, чтобы вас навестить?

– Очевидно, для этого, – произнесла она язвительно, – но я вас не ждала, поэтому была ошеломлена вашим появлением!

Ага. Сюрприз. Маркиз улыбнулся. Да, это ему понравилось.

– И часто я так делаю – устраиваю вам сюрпризы?

– Постоянно, – еле слышно пробормотала Джорджиана.

Это маркизу тоже понравилось.

– Доктор сказал, вы спасли мне жизнь.

Девушка закатила глаза.

– Скорее грум Адам.

– А еще – что вы ухаживали за мной с того самого дня, как меня сюда привезли.

Девушка вскинула брови.

– Хотите другую сиделку? Без проблем! Или я могу позвать доктора...

– Нет-нет! – Роберт оставил попытки вытянуть из нее хоть что-то полезное и схватил за руку, когда она попыталась встать. – Я предпочитаю видеть рядом вас: он слишком много и громко говорит.

Джорджиана замерла, когда его пальцы коснулись ее руки,

а потом тихонько рассмеялась.

– Вам повезло, что спали и не слушали его болтовню на протяжении трех дней.

– Он вполне может уехать – опасность миновала.

– Если вам удастся его уговорить, милорд.

Роберт вдруг осознал, что продолжает держать ее за руку, и это было очень приятно. Перевернув ее кисть ладонью вверх, он погладил нежную кожу запястья.

– Мы и раньше общались так... официально?

– Э... что, простите?

– Мы с вами, Джорджиана.

Она высвободила руку.

– Мы... э... да, в некоторой степени. Этого требуют приличия.

Приличия. Роберт нахмурился. Как же ему не нравилось это слово!

– Мы очень строго их соблюдаем?

Ему не верилось, что они даже не целовались. А уж что касается рук, наверняка он ласкал их – такие нежные и мягкие.

– Очень, – натянуто произнесла Джорджиана.

– Тогда, может, пора сделать послабление? – Он одарил ее улыбкой искусителя. – Я после таких серьезных ран попросту не в силах строго соблюдать приличия.

Вместо того чтобы улыбнуться в ответ или выразить согласие, девушка побледнела.

– Как это? Вы о чем?

– Не пугайтесь: мы просто перестанем вести себя так уютно-приятельно благопристойно. Например, начнем называть друг друга просто по имени?

Губы девушки приоткрылись, и она еле слышно произнесла:

– Хорошо, Роберт.

Из ее уст его имя прозвучало как-то необычно, и ему показалось, что его звали как-то иначе... Роб! Да, именно так!

– Лучше называйте меня Роб.

– Но это неправильно! – воскликнула Джорджиана.

– Называть будущего мужа по имени? – Маркиз заставил себя открыть глаза. – Почему?

– Ну... мы всего лишь помолвлены...

– И как давно?

Девушка поджала губы и гневно посмотрела на мужчину.

– Как давно? – не собирался сдаваться он.

– Два года, – пробормотала Джорджиана. – Даже два с половиной.

Как могло случиться, что два года жизни у него напрочь стерлись из памяти.

– Почему так долго?

Он попытался приподняться, но она положила руки ему на плечи, заставляя лечь. Роберт подчинился, но все же повторил свой вопрос, хотя ему были безумно приятны прикосновения ее теплых нежных рук. Лучше уж думать о них,

чем о своих ослабевших членах.

Сдвинув брови, Джорджиана, чтобы скрыть смущение, принялась поправлять одеяло.

– С моим братом трудно договориться.

Значит, вот в чем причина! Оставалось только удивляться, как он сумел продержаться так долго и не сошел с ума. Джорджиана такая красавица! Так почему, черт возьми, она так чопорна? Может, она вовсе не хотела выходить за него замуж? Не слишком приятно, конечно, но если она все же приняла его предложение, значит, еще не все потеряно. Если до сих пор ему не удалось завоевать ее сердце, то все еще можно исправить.

– Я все улажу, как только поправлюсь, – пообещал Роберт, – независимо от того, насколько сложно договориться с вашим братом.

Джорджиана покраснела, или ему это показалось? Трудно определить в тусклом свете лампы.

– Уверена, что спешить не стоит! Состояние вашего здоровья...

– Два года – это слишком. Просто не по-джентльменски заставлять девушку ждать так долго. Простите.

Джорджиана подняла на него изумленный взгляд. Роберт кивнул, и голову тут же пронзила боль. Глаза сами собой закрылись, и он устало вздохнул.

– Отдохните, – произнесла девушка тихо.

Мужчина снова взял ее за руку.

– Простите, – пробормотал Роберт, – но я ничего не могу поделать: веки будто свинцом налились и не дают открыть глаза.

– И не надо.

Мгновение поколебавшись, Джорджиана взяла его руку в свои, и он медленно прижал их к груди. Душу ему грела мысль, что, когда проснется, она опять будет рядом.

Сейчас он мог надеяться только на нее.

На следующий день Джорджиане пришлось ненадолго выйти в сад, куда ее отправила Китти. Уэстмарленд проснулся в куда более приподнятом расположении духа, нежели накануне, смог сесть на кровати, чтобы поесть, а потом изъявил желание вымыться. Помогать ему остался старший лакей Ангус.

Джорджиана очень надеялась, что короткая прогулка пойдет ей на пользу и поможет не сойти с ума.

Прошло четыре дня с момента нежелательного появления маркиза в Осборн-Хаусе. Его память так и не восстановилась, зато состояние здоровья улучшалось день ото дня. Объявив, что отныне пациенту ничто не угрожает, доктор Элтон откланялся, и это стало прямо-таки благословением. Этот господин так громко и много говорил, что заставить замолчать его мог разве что только сам маркиз.

Прогулка не помогла. Джорджиана так и не перестала думать о маркизе Уэстмарленде. Было странно называть его

Стерлингом, но, слава богу, он попросил обращаться к нему по имени, и ей просто повезло, что его тоже звали Роберт, как и ее жениха.

Конечно же, Уэстмарленд не знал, что и Стерлинга ей хотелось называть по имени после того, как они станут мужем и женой. Такое обращение не было принято в свете, но все подруги Джорджианы были очень близки со своими мужьями, и она мечтала о таких же отношениях в браке.

Когда она предложила Стерлингу называть его по имени, тот лишь рассмеялся и сказал, что пусть называет так, как хочет. В словах же Уэстмарленда сквозила какая-то надежда, что ли...

Может, она ошибается и этот джентльмен вовсе не лорд Уэстмарленд? Уж больно он не похож на высокомерного, взиравшего на окружающих свысока маркиза, которого она встречала в Лондоне. Тогда он напоминал ей скучающего тигра, появлявшегося в обществе в поисках добычи. Что, если она ухаживает за совершенно незнакомым мужчиной? Мысль об этом ободряла Джорджиану, поскольку она совершенно не знала, как обращаться с таким лордом Уэстмарлендом – благодарным, доброжелательным и обаятельным.

Неужели судьба сыграла с ней злую шутку? Если окажется, что сейчас в доме Китти лежит обычный благородный джентльмен, просто поразительно похожий на маркиза, значит, она напрасно лгала и изворачивалась.

– Джорджиана, – раздался голос у нее за спиной. – Насла-

ждаешься солнцем? – Китти остановилась рядом с подругой, подставила лицо солнечным лучам и глубоко вздохнула. – Представляю, как ты по нему стосковалась после стольких дней взаперти.

Джорджиана улыбнулась: ведь ее никто не принуждал сидеть в комнате рядом с раненым.

– Как же иначе?

Китти сочувственно коснулась руки подруги, хотя и не сомневалась в ее бесконечной преданности возлюбленному.

– Знаю. Ради любимого можно вытерпеть все, что угодно. Я на все готова ради Чарлза.

Джорджиана с трудом удержалась, чтобы не усмехнуться.

– Кстати о Чарлзе... – Китти понизила голос, и Джорджиана заметно напряглась. – Сегодня утром я получила от него письмо. Он опять играл: делал ставки, каких не мог себе позволить, – проигрался в пух и прах и поставил на кон собственный дом.

О господи! Интересно, что сделает Китти, когда узнает всю правду?

– Значит, Чарлз скоро будет дома? – спросила Джорджиана таким тоном, словно очень на это надеялась, хотя на самом деле до смерти боялась чего-то подобного.

– Нет. – Лицо Китти приобрело жесткое, нагонявшее жуть выражение, и она устремила взгляд на уток, плескавшихся в пруду посреди сада. – У него дела в Лондоне. Мистер Джексон прислал для него инструкции. – Губы Китти изогнулись

в кривой усмешке. – К тому же он наверняка понимает, какой устроил тут переполох, и надеется переждать бурю по-дальше отсюда.

Слава богу...

– Как это похоже на мужчин, – беззаботно произнесла Джорджиана. – Устроить светопреставление и устранишься.

Китти рассеялась.

– Хорошо, что у тебя есть чувство юмора, – пригодится, когда вы с лордом Стерлингом поженитесь. Вообще-то я пришла сказать, что он просит принести его одежду. Люси выстирала что могла, но его рубашка безвозвратно испорчена. Хочешь, pošлю Ангуса, чтобы он посмотрел, есть ли в его вещах другая?

Джорджиана не могла допустить, чтобы кто-то копался в вещах маркиза: там могло оказаться что-то такое, что указало бы на то, кто он на самом деле.

– Нет-нет, – возразила она поспешно, – я принесу сама. Только вот зачем рубашка, если ему еще нельзя вставать?

Китти улыбнулась.

– О, дорогая, как много тебе еще предстоит узнать о мужчинах! Вот, например, мой Чарлз: чем хуже себя чувствует, тем решительнее рвется прочь из постели, словно его совсем ничто не беспокоит, но, с другой стороны, легкая простуда сразу превращает его в тяжелобольного. Думаю, лорд Стерлинг просто слегка обалдел от пребывания в четырех стенах.

– Да он с трудом час без сна продержаться может.

– Может, тебе с ним поговорить? Я слышала, он просил Ангуса вывезти его на улицу в кресле.

Можно подумать, что в доме Китти имелось такое! Даже в таком состоянии Уэстмарленд оставался высокомерным и представить не мог, что у кого-то нет кресла на колесах. Джорджиана вздохнула и напредила себе, что отныне это ее крест: она сама взвалила себе на плечи эту ношу и теперь вынуждена ее нести. Девушка решительно развернулась в сторону дома и сказала, надеясь, что Китти примет нотки раздражения в ее голосе за беспокойство:

– Я с ним поговорю.

Только вот в ее комнате вещей маркиза не обнаружилось, и на мгновение ее сердце едва не остановилось. Если Ангус забрал их и отнес маркизу, тот уже наверняка роется в сумках, и одному богу известно, что там найдет... Надо все осмотреть: возможно, служанка или камеристка Надин куда-нибудь их переложили.

После нескольких минут лихорадочных поисков Джорджиана действительно обнаружила сумки под столом. И тут ее словно окатили ледяной водой.

О господи! Как она могла забыть, что Надин знает Стерлинга в лицо! Она пока не заходила в комнату раненого, но если вдруг увидит его, то обман раскроется.

Джорджиана закрыла лицо руками. Что ж, придется поговорить с камеристкой, пока та все не испортила. С каждой секундой необходимость лгать все больше отравляла ей су-

ществование.

Девушка набрала полную грудь воздуха и медленно выдохнула. Пока причин для беспокойства нет, так что можно заняться вещами. Джорджиана расстегнула пряжки, сунула руку внутрь сумки, и ее тотчас же охватил стыд, смешанный с каким-то греховным любопытством.

Вещей было не много: смена белья и одежды, изрядно помявшихся после долгого пребывания в сумке. Девушка отложила в сторону чистую рубашку, но потом подумала, что маркизу потребуется и белье. Не в силах справиться с сердцебиением, она мгновение колебалась, потом сказала себе, что глупо переживать из-за кусков шелка и льна, и смело достала из сумки носки и панталоны. Если бы Джорджиана не солгала, этим занимался бы слуга.

Бросив взгляд на закрытую дверь, она принялась за вторую сумку и обнаружила пистолет, небольшой кожаный несессер, а также папку с письменными принадлежностями, из которой выпал небольшой нож для бумаги. Джорджиана удивилась: вот уж неожиданность! Вроде Уэстмарленд не из тех, кто станет утруждать себя написанием писем. И все же папка занимала в его багаже довольно много места. Здесь же обнаружился дневник, но его открыть она не решилась. Заметив выглядывавший из тетради лист бумаги, Джорджиана хотела вложить его обратно, но поняла, что держит в руках закладную на Осборн-Хаус.

Ее сердце забилось так, что едва не выскочило из груди.

Значит, маркиз действительно ехал сюда, чтобы забрать у Китти дом. Вся ее враждебность к маркизу, утратившая было силу перед лицом смерти, пробудилась к жизни вновь. Ах, негодяй!

Итак, ее главная задача теперь – нарушить его планы, особенно после того, как едва не утонула во лжи ради его благополучия: не отходила от постели и старательно исполняла роль любящей невесты. Джорджиана свернула документ вчетверо и спрятала в стопке собственного белья чулок, где уже хранилось кольцо с печаткой.

Больше ничего интересного в седельных сумках не оказалось. Находившейся в них одежды хватило бы всего на несколько дней – следовательно маркиз был абсолютно уверен, что этого времени достаточно, чтобы вышвырнуть Китти с семейством из дома, хотя сам здесь жить явно не собирался... если, конечно, следом за ним не прибыл бы багаж.

Джорджиана тут же представила, как у крыльца Осборн-Хауса останавливается экипаж и оттуда вываливаются пьяные приятели маркиза, которые непременно захотят увидеть, как он тут устроился. И тогда он наверняка все вспомнит. Китти тут же снимет со стенки ружье и перестреляет всех до единого, а потом возьмет на мушку свою подругу Джорджиану. О господи, но почему такие мысли не пришли ей в голову раньше?

– Вам не нужна помощь, миледи? – вдруг раздался за спиной голос Надин.

Вздрогнув от неожиданности, девушка порывисто развернулась.

– О господи! Напугала. Зачем подкрадываться ко мне сюда?

Надин удивленно заморгала.

– Я не подкрадывалась! Ангус послал меня узнать, нашли ли вы одежду лорда Стерлинга.

– Нашла, как видишь. – Джорджиана подхватила с пола стопку одежды за исключением нескольких вещей, которые отложила в сторону, и отдала камеристке. – Это нужно оттюжить: вещи в ужасном состоянии.

– Да, миледи.

Присев в реверансе, девушка скрылась за дверью, а Джорджиана прижала подрагивающие пальцы к вискам. Дело принимало скверный оборот. Нужно было срочно решить, как быть с Надин и что делать с закладной, а еще продумать план на случай появления друзей маркиза, но прежде всего следовало понять, как выбраться из болота, в котором добровольно увязла.

От всех этих мыслей Джорджиане захотелось немедленно вернуться в Лондон и спрятаться под крылом у своей верной наставницы леди Сидлоу: в данный момент девушка совершенно не чувствовала себя способной управлять собственной жизнью.

Глава 8

Джорджиана постучала и, услышав приглушенное приглашение войти, распахнула дверь комнаты, которую отвели раненому, но остановилась как вкопанная на пороге, раскрыв от удивления рот. Уэстмарленд встал с постели, уцепившись за одну из опор кровати, бледный, с трясущимися от напряжения руками и каплями пота на лбу, в голубом халате. И все же при виде девушки лицо его осветила торжествующая улыбка.

– Доброе утро, дорогая.

– Вы его подстригли! – воскликнула Джорджиана, заметив Ангуса.

Уэстмарленд провел рукой по волосам.

– Сначала мы пытались их отмыть и расчесать, но это был сущий кошмар – проще подстричься.

В груди Джорджианы зародилось какое-то странное ощущение. Длинные волосы, открывавшие лоб и спадавшие беспорядочными прядями, подчеркивали суровые линии подбородка и носа маркиза, с ними он выглядел надменным и хищным, словно один из ангелов Люцифера, а сейчас, когда волнами обрамляли лицо, они делали его моложе, мягче и... трогательнее.

И к тому же – святые небеса! – маркиз оказался гораздо выше, чем помнила Джорджиана, с широкими мускулисты-

ми плечами.

– Вам не нравится? – спросил маркиз, глядя на глупо та-
ращившуюся на него девушку.

Та встряхнулась, приводя себя в чувство. Да пусть дела-
ет что хочет: стрижется, вешает в ухо серьгу или наряжается
Генрихом Третьим. Ей все равно. Маркиз несколько не из-
менился, и никогда не изменится.

Джорджиана пожала плечами и, проигнорировав его во-
прос, спросила сама:

– Почему вы встали? Доктор Элтон...

– К черту доктора! – Роберт набрал в грудь воздуха, со-
гнул руку и отпустил опору. Он заметно покачивался, но сто-
ял без посторонней помощи. – Мне пришлось встать, чтобы
не сойти с ума.

Этого еще не хватало! Если даже лежа в постели, он при-
чинял немало хлопот, то что будет теперь? Джорджиана пе-
редала Ангусу одежду, которую держала в руках.

– Мне сказали, что вы захотели переодеться, но я считаю,
что рано вставать: вон еле стоите еще.

– Возможно, вы правы, – согласился маркиз.

– Тогда, прошу вас, ложитесь в постель, а то, не дай бог,
упадете и поранитесь еще сильнее.

Роберт поджал губы и обиженно буркнул:

– Я же с ума сойду! Неужели нельзя выйти в сад и немного
там посидеть. – При виде кислого выражения ее лица он едва
не расхохотался. – Ну пожалуйста, дорогая.

Девушка посмотрела на Ангуса, старательно избегавшего ее взгляда: все вокруг полагались на нее, потому что считали будущей женой раненого.

– Если хотите, – тяжело вздохнула Джорджиана и вышла из комнаты.

Когда в дверь опять постучали, маркиз был чисто выбрит и одет, и вроде бы ему надлежало выглядеть как тот высокомерный и хладнокровный Уэстмарленд, которого Джорджиана знала в Лондоне, но, к ее разочарованию, совершенно на него не походил. Роберт, как мальчишка, неуверенно улыбнулся.

– Ну как теперь – получше?

Несмотря на бледность и многочисленные синяки всех оттенков и ссадины, маркиз действительно поражал своей красотой.

– Вам следовало остаться в постели, – сварливо повторила Джорджиана.

– Я причиняю множество неудобств, верно? – виновато улыбнулся Роберт.

«Вы даже себе не представляете сколько».

– А уж на улицу выходить и вовсе не стоит.

– Всего на несколько минут! – взмолился маркиз и, придерживаясь за стену, подошел к Джорджиане, взял ее руку и поднес к губам. – Если переживаете, пойдете со мной. Обещаю вести себя хорошо.

В этот момент из-за угла появилась Китти и, заметив

воркующих влюбленных, широко улыбнулась. Захваченная врасплох, Джорджиана смутилась и не успела убрать руку. Поцелуй оказался очень приятным, потом маркиз легонько сжал ее пальцы и тотчас же отпустил.

– Как я могу отказать, когда вы так галантны?

– Рада видеть вас на ногах, лорд Стерлинг, – приветствовала гостя Китти.

По лицу Роберта пробежала тень, но ответил он все же вежливо:

– Спасибо за гостеприимство, мадам. Приношу свои извинения за причиненные неудобства. Вот захотелось полюбоваться вашим садом: люблю проводить время на свежем воздухе.

Джорджиана взглянула на него из-под пушистых ресниц: маркиз шутит? При его-то образе жизни свежий воздух? Как любопытно. А как же балы, попойки, игорные заведения? Днем он отсыпался, чтобы иметь возможность бодрствовать по ночам.

– Конечно, – тепло улыбнулась Китти. – Джорджиане это тоже пойдет на пользу – ведь и она просидела в четырех стенах! Позвольте Ангусу вам помочь.

Маркиз в нерешительности замялся.

– Может, леди Джорджиана позволит мне опереться на ее руку...

– Ну смотрите! – рассмеялась Китти. – Уверена, она вам не откажет: ее преданность и отвага достойны восхищения!

Лучше бы Китти занялась ребенком или составлением меню, вместо того чтобы подталкивать ее к Уэстмарленду... вернее, к Роберту, Робу, хоть ей и претило называть его так.

Глаза маркиза радостно вспыхнули, и Джорджиана поняла, как ему не терпится покинуть комнату.

– Я ее уговорю. – Маркиз заговорщически подмигнул Китти, и та кокетливо улыбнулась, глядя на подругу.

Джорджиана предложила ему руку, но когда он сделал первый шаг, тяжело опершись на нее, та едва не рухнула под его тяжестью.

– Может, вам все-таки взять с собой Ангуса... – начала Китти.

– Нет-нет, мы справимся, – поспешил заверить ее маркиз, хотя Джорджиана ощущала, что тело его сотрясает дрожь.

Она инстинктивно придвинулась ближе, и вместе они медленно двинулись в сторону сада.

К тому времени как они спустились по лестнице, его рука уже лежала у нее на плечах, а когда подошли к двери – на талии. Джорджиана чувствовала, каких усилий стоил ему каждый шаг, но он не жаловался и от этого ей было легче ему помогать.

– Наверное, вы были правы, – признался маркиз, тяжело опускаясь на скамейку в саду. – Это действительно тяжелее, чем казалось.

– А ведь еще предстоит возвращаться.

Джорджиана отодвинулась на другой край скамьи, чтобы

успокоиться: ощущение сильного тела мужчины вывело ее из равновесия. Ее плечо доставало ему как раз до подмышки, и даже после нескольких дней, проведенных в постели, маркиз не выглядел немощным.

– Ничего. Через полчаса я буду в норме. – Маркиз подставил лицо солнцу, прикрыл глаза и вдохнул полной грудью. – Мне было просто необходимо выбраться из той комнаты.

Джорджиана хорошо его понимала, но когда взглянула на него, сидящего на лавке с запрокинутой головой и закрытыми глазами, самообладание едва не подвело ее. В темных волосах маркиза играли золотистые блики, а сам он казался таким умиротворенным, что она принялась нервно разглаживать подол платья.

– Меня сводит с ума то, что я ничего не могу вспомнить, – вдруг проговорил он, словно почувствовав ее взгляд, и лицо Джорджианы залила краска вины. – Расскажите о себе.

Девушка с тоской посмотрела на ворота. Что будет со всеми этими людьми, если она сбежит в Мэрифилд, сядет в почтовый дилижанс и уедет в Лондон? Она пока не придумала разумного выхода из создавшегося положения, и если маркиз начнет задавать вопросы...

– Джорджиана? – окликнул маркиз, и она вздрогнула: оказывается, он обеспокоенно наблюдал за ней. – Что-то случилось?

– Ничего, – постаралась как можно беззаботнее ответить девушка. – Абсолютно ничего!

– Правда? – Маркиз придвинулся чуть ближе, и хоть его лицо оставалось серьезным, в глазах плясали озорные искорки. – Похоже, я стал для вас настоящей обузой.

«Да, но вовсе не по тем причинам, что вы имеете в виду».

– Что заставляет вас так думать?

– Хм. Ну, например, то, что вам пришлось буквально тащить меня на себе на улицу...

– Вам необходимо оставаться в постели, и вы это прекрасно знаете, так что не надо строить из себя бедную овечку. А что касается обузы... нет, вы ею не стали: так поступил бы любой равнодушный человек.

Маркиз порывисто взял ее руку и поднес к губам, прежде чем она успела разгадать его намерения, и спросил:

– Вы боитесь меня?

– Я боюсь за вас, особенно после того как увидела избытого до полусмерти, в луже крови...

Маркиз некоторое время молчал, потом заметил:

– Вы из-за чего-то на меня злитесь.

Джорджиана вымученно рассмеялась.

– Не говорите ерунды! Что заставляет вас так думать?

– Вы все время нервничаете.

Джорджиана хотела было возразить, но передумала.

– Вы так самоотверженно за мной ухаживаете, – продолжил Роберт. – То, что со мной случилось, могло вывести из равновесия кого угодно, но мне кажется, вы не стали бы злиться из-за того, что я позволил себя ограбить и избить.

– Конечно, нет! Разве в этом есть ваша вина! – возмутилась Джорджиана.

– И это означает, что вы расстроены по какой-то другой причине, – констатировал маркиз. – В чем я и не сомневался. Джорджиана промолчала, и Роберт продолжил:

– Я был холоден с вами? Или невнимателен? Или, возможно, напротив...

Джорджиана не могла оставить этот вопрос без ответа и выпалила:

– Да, из-за этого!

– Значит, я приехал сюда, чтобы извиниться? – нахмурился маркиз.

– Не знаю, – пожала плечами Джорджиана. – Я ведь не ждала вас.

– Похоже, что так, – задумчиво пробормотал маркиз. – А то для чего бы мне тащиться в Дербишир?

Джорджиана заметно напряглась, опасаясь, как бы маркиз не вспомнил истинную причину своего появления здесь.

– Вы вспомнили, что вам нравится проводить время на свежем воздухе, – попыталась она отвлечь его внимание. – А это уже немало.

– Но я также помню, как ходить, как одеваться, – криво усмехнулся Роберт. – Все это настолько незначительно по сравнению с остальным. Как мы познакомились?

Джорджиана улыбнулась так широко, что заболели скулы. Ну и что ему сказать? До сих пор она руководствовалась

правдой, то есть своими отношениями с настоящим Стерлингом, но на этот раз ее тактика не сработает. Ее фамильное поместье граничило с землями отца Стерлинга, поэтому они знали друг друга с детства. Джорджиана была влюблена в него всю свою жизнь, и когда он встал перед ней на колени и сделал предложение, это выглядело само собой разумеющимся продолжением ее любви.

Джорджиана не могла рассказать об этом Уэстмарленду, потому что это стало бы настоящим предательством по отношению к Стерлингу.

– В Лондоне, – ответила она уклончиво, прибегнув к сильно отредактированной версии своих отношений с Уэстмарлендом. – На одном из балов. Я уже не помню.

– Ах вот как... – На лице маркиза отразилась печаль. – Похоже, я произвел не слишком благоприятное впечатление.

– Да, вы правы, – согласилась Джорджиана.

Лицо маркиза приобрело решительное выражение.

– Рассказывайте, и не стоит меня щадить. Мне ненавистно уже само предположение, что между нами произошло что-то... неприглядное.

О господи! Джорджиана нервно вытерла вспотевшие ладони подолом платья. Ложь, ложь, ложь...

– Не хочу. Это не очень приятно.

– Не сомневаюсь, – кивнул маркиз, бросив на Джорджиану взгляд, полный такого раскаяния и мольбы, что она с трудом удержалась от улыбки. – Я наступил на вашу комнатную

собачку?

Джорджиана удивленно заморгала.

– Собачку? Нет.

– Пролил шампанское вам на платье?

– Нет!

– Не пригласил на танец? – Лицо маркиза приобрело такое забавное выражение, что очень трудно было удержаться от улыбки. – Что бы это ни было, я вел себя как полный идиот.

Вся веселость Джорджианы тут же улетучилась. Интересно, что бы он сказал, если бы вспомнил, что назвал ее глупой и легкомысленной? Что ему даже в голову не пришло бы пригласить на танец такую девушку, как она, не говоря уже о том, чтобы принести ей шампанское?

– Пусть это вас не беспокоит. – Она отвела взгляд. – Меня же не беспокоит...

– Я постараюсь. – Маркиз накрыл руку девушки своей. – У вас такое чуткое сердце, дорогая.

Джорджиана не знала, что на это ответить, вдруг почувствовав себя трусливой дурочкой, которая, кажется, начинает сходить с ума. Каждый день она ломала голову над тем, как разрубить этот гордиев узел, но затягивался все туже и туже, причем на ее шее.

– Чего не скажешь о разуме, если позволила вам выйти на улицу, вместо того чтобы оставить в постели, где вам и место.

Маркиз улыбнулся и сразу стал похож на мальчишку, тор-

жествующего победу.

– И все же я вас смог убедить.

– Не могла же я позволить вам упасть и разбить себе лицо, – язвительно произнесла Джорджиана. – Мне хватило того, что уже видела, когда вы лежали в пыли, истекая кровью. Так что благодарю покорно.

– Да, мне тоже не хотелось бы повторения, – кивнул маркиз. – Даже ради самой красивой сиделки на свете.

Джорджиана заставила себя рассмеяться.

– Китти была бы рада услышать это, но должна вас предупредить: она замужем.

– Вам, наверное, доставляет удовольствие меня дразнить, – усмехнулся маркиз. – Я говорил не о леди Уинстон, и вы это знаете.

Глаза Джорджианы полезли на лоб, когда до нее дошел смысл сказанного.

– А с какой стати я должна считать, что вы говорили обо мне? Раньше вы никогда не одаривали меня подобными комплиментами.

– Нет! – Маркиз рассмеялся, но тут же посерьезнел. – Правда? Нет, это не может быть правдой.

«Еще как может!» Лучезарно улыбнувшись, Джорджиана пожалала плечами.

– Нет, – повторил маркиз, и на этот раз на его лице отразилось неподдельное изумление.

– Впрочем, это неважно, – поспешно произнесла девушка.

Ей было не по себе от того, что ее признание настолько потрясло маркиза. Если бы он продолжал смеяться, ей было бы проще унять поселившееся в душе беспокойство из-за того, что он совершенно не походил на того человека, которого она знала в Лондоне. Да, они не были близко знакомы, но от этого ее неприязнь не становилась слабее.

– Очень даже важно! – Маркиз придвинулся ближе. – Думаете, я не считаю вас красивой?

Джорджиана покраснела.

– Честно говоря, не знаю...

Маркиз протянул руку и коснулся ее лица, повернув к себе.

– Вы самая прекрасная женщина из всех, что встречались на моем пути. – Оттенок его глаз стал почти золотым, когда он пристально вглядывался в ее лицо. – И я говорю так вовсе не потому, что вы спасли мне жизнь.

Джорджиане не раз говорили, какая она чудесная, красивая, ослепительная, точно принцесса, и притягательная, точно летний день, но ни один из этих комплиментов не лишил ее дара речи так, как тот, что сделал маркиз.

– Вас... вас ударили по голове, – произнесла она неуверенно. – Очень сильно.

Роберт улыбнулся, но улыбка получилась немного кривой, ибо один уголок губ поднялся чуть выше другого. Да и морщинок вокруг глаз появилось больше, чем следовало. Все это делало красивое лицо маркиза еще более располага-

ющим, и Джорджиана с беспокойством осознала, что начинает испытывать к нему симпатию, вернее – к тому Уэстмарленду, который не помнил, что называл ее глупой и легкомысленной, считал красавицей и любил находиться на свежем воздухе.

– Слава богу, зрения я не лишился, – пробормотал Роберт.

– Жизнь вам спасла не я, – возразила Джорджиана, мысли которой спутались под его взглядом, – а грум Адам.

– В самом деле? – Маркиз подвинулся еще ближе. – Но ведь не Адам принял решение привезти меня сюда, не он смыл кровь с моей израненной головы, не он сидел у моей кровати сутки напролет.

– Да, вы правы... он всего лишь грум, и его обязанность ухаживать за лошадьми...

– Не Адам помог мне выйти в сад, несмотря на то что решение встать с постели так рано было опрометчивым.

Сама того не желая, Джорджиана улыбнулась.

– Я выгляжу скорее как сообщница, а не как спаситель.

Плечи маркиза затряслись от беззвучного смеха.

– Но ведь не Адам сидел у моей постели...

Она смотрела в его смеющиеся глаза, и они были такими странными, словно он собирался... поцеловать ее.

Ее вдруг охватил ужас при мысли, что она непроизвольно потянулась к маркизу. Нет, она определенно сходит с ума.

– Ну не могла же я допустить, чтобы слуги Китти сидели рядом с вами всю ночь напролет, верно? У них полно своей

работы.

Джорджиана принялась расправлять несуществующие складки на юбке и почувствовала, что маркиз отодвигается. Его разочарование было почти осязаемым.

– И все же я очень ценю то, что вы для меня сделали, – сказал он уже серьезно. – Спасибо.

«Вы бы не стали меня благодарить, если бы знали правду».

– Ерунда! – натянуто рассмеявшись, отмахнулась девушка. – Не стоит благодарности!

– Может, и не стоит, – с явной неохотой согласился Уэстмарленд.

Джорджиана снова рассмеялась, но осеклась, когда маркиз прижал руку к виску.

– У вас опять болит голова?

– Не сильнее, чем обычно. – Он зажмурился. – Во всяком случае, не так, как в предыдущие два дня.

Джорджиана тотчас же поднялась со скамьи.

– Ну вот, я же говорила! Вам просто необходимо вернуться в постель.

– Возможно, мне будет лучше в тени, – пробормотал Роберт и вдруг покачнулся, голова упала на грудь.

Джорджиана вскочила, испуганно вскрикнув, и позвала Ангуса.

– Мне уже лучше, – глухо проговорил маркиз, и руки его легли на ее бедра.

Джорджиана густо покраснела, и чтобы удержаться от па-

дения, обхватила маркиза за плечи, так что теперь он сидел, уткнувшись лицом ей в грудь. Если бы Джорджиана не чувствовала, как дрожат его руки, вцепившиеся ей в бедра для поддержки, то непременно оттолкнула бы его, даже если ему грозило бы падение в заросли глицинии, но маркиз так дрожал, что дыхание с трудом вырывалось из его груди. Он даже не попытался протестовать, когда прибежавший на зов Ангус помог ему добраться до дома, в то время как Джорджиана спешила впереди, распахивая двери.

И лишь когда он оказался в спальне, бледный как смерть, в холодном поту, Джорджиана осознала, насколько ему плохо. Ангус едва успел подставить таз, когда маркиз свесился с кровати, не в силах справиться с тошнотой.

– Вам не следовало вставать! – Схватив полотенце, Джорджиана вытерла ему лицо, когда Ангус унес таз. – Это было преждевременно! Из-за каких-то пяти минут на солнце вам стало хуже!

Маркиз отхлебнул чаю из чашки, куда было добавлено несколько капель настойки опия, заботливо придерживаемой Джорджианой, и хрипло проговорил:

– В эти несколько минут я снова почувствовал себя собой, так что оно того стоило.

– Зато вы опять напугали меня до смерти.

Джорджиана не ожидала, что почувствует такую ответственность за совершенно чужого ей человека и в отчаянии рухнула в стоявшее рядом с кроватью кресло. Руки ее дро-

жали, сердце колотилось от страха. Маркизу стало хуже от простой прогулки в сад, и она должна была это предвидеть и предотвратить, но не сделала ни того ни другого.

Беспомощно улыбнувшись, Роберт откинулся на подушки и прикрыл глаза рукой.

– Прошу прощения, любовь моя, но оно того действительно стоило. Вы такая красивая при солнечном свете.

Уэстмарленд заснул еще до того, как Джорджиана успела прийти в себя после этих ошеломляющих слов, и она наблюдала за спящим маркизом, совершенно не представляя, что теперь делать. Все пошло совсем не так, как она ожидала. Даже лишившись памяти, Уэстмарленд должен был остаться прежним. Неужели сотрясение мозга способно до неузнаваемости изменить характер человека? Джорджиана непроизвольно наклонилась к маркизу, пытаясь найти хоть какое-то подтверждение того, что совершила ошибку, что это вовсе не маркиз Уэстмарленд, а кто-то совсем другой, добрый и отзывчивый.

Впрочем, она и ему не позволила бы ее поцеловать...

Джорджиана поежилась: похоже, ее тянуло ко дну, и она не знала, как выбраться из этой трясины. Леди Сидлоу предупреждала, что воображение способно сыграть с неопытной девушкой злую шутку, а она только посмеивалась над ее словами. Но кто же знал, что графиня окажется права? Как, скажите на милость, случилось, что она обманула свою дорогую подругу Китти и теперь собирается предать и един-

ственную настоящую любовь – Стерлинга? Но все дело было в том, что какая-то часть Джорджианы разволновалась от признания Роберта в том, что он считает ее красивой. Девушка прочитала в его взгляде неподдельный интерес и задумалась, что почувствовала бы, если бы он действительно ее поцеловал. Ведь никто, кроме Стерлинга, ее никогда не целовал.

Взгляд Джорджианы переключался на губы маркиза, поскольку больше ничего было не видно – оставшуюся часть лица закрывала его рука. Каково это – целоваться с ним? Джорджиане хватало здравого смысла этого не позволять, а вот перестать думать о его поцелуях – нет. Поцелуи Стерлинга были целомудренными, легкими и нежными, и ей так нравились его объятия, пусть и очень недолгие, поскольку недремлющее око леди Сидлоу зорко следило, чтобы подопечная не оставалась с женихом наедине.

Китти не проявляла подобной строгости и с легкостью оставляла Джорджиану наедине с женихом. Впрочем, с маленьким ребенком на руках и огромным хозяйством ей было не до роли компаньонки. К тому же Роберт был настолько слаб, что вряд ли позволил бы себе что-то предосудительное. Джорджиана к тому же знала, что это вовсе не ее жених, поэтому мысль о поцелуях посетила бы ее голову в последнюю очередь.

И что же? Вот она сидит у кровати маркиза, смотрит на его губы и предается отнюдь не безобидным размышлениям.

Взяв себя в руки, она приказала Ангусу присмотреть за его светлостью и вышла из спальни.

Не успела Джорджиана посидеть и пару минут в тишине и спокойствии, как на ее голову свалилась еще одна нелюбимая проблема.

– Люси сказала, будто лорда Стерлинга избили так, что он потерял рассудок! Это правда?

Джорджиана аж подскочила от неожиданности. Вроде бы закрыла дверь – и на тебе!

– Господи, Надин, сегодня ты только и делаешь, что меня пугаешь!

Горничная Джорджианы была почти одного с ней возраста и прислуживала ей с тех самых пор, как та окончила школу. Надин прекрасно укладывала волосы, ловко управлялась с иголкой и просто обожала всяческие авантюры. Каждый раз, когда Джорджиана что-нибудь задумывала, Надин тотчас же вызывалась ей помочь... за небольшое вознаграждение. Не купит ли Надин новый роман издательства «Минерва пресс» или бульварную газетенку на обратном пути из лавки модистики? Конечно, купит... за шесть пенсов. Сможет ли спрятать покупку и взять всю вину на себя в случае ее обнаружения? Конечно! Еще за шесть пенсов. Сможет ли тайно доставить письмо, купить гравюры фривольного содержания и прикрыть Джорджиану, когда той понадобится отлучиться? Служанка всегда соглашалась, но не бесплатно, так что ее

услуги становились слишком дороги.

И вот теперь она, судя по всему, увидела лорда Уэстмарленда.

– Вот уж не думала, что у вас два знакомых лорда Стерлинга, – проговорила Надин, складывая белье. – Только у одного почему то носовые платки с монограммой «У»...

Джорджиана поплотнее прикрыла дверь.

– Тише! Ни слова больше!

– Конечно, миледи. Уверена, что у вас была веская причина солгать леди Уинстон, что раненый – ваш жених лорд Стерлинг, а вовсе не этот ужасный, ненавистный лорд Уэст...

– Десять шиллингов! – в панике выпалила Джорджиана. – И прошу хранить это в секрете.

Надин на мгновение замерла, а потом продолжила как ни в чем не бывало складывать белье, заметив:

– Как скажете, миледи.

– Спасибо.

Джорджиана устало понурилась. Очередную сумму карманных денег она получит лишь через месяц. Ее прижимистый брат Алистер не даст ни фартинга раньше установленного срока, чтобы много не тратила. И вот теперь ей придется платить за свою ложь. И ради кого? Да этот маркиз ей даже не нравился...

– Но почему вы солгали, миледи? – Надин убрала белье в шкаф и развернулась. – Я думала, вы терпеть не можете

этого лорда Уэст...

– Прошу тебя, не произноси это имя! – простионала Джорджиана.

Надин удивленно вскинула брови.

– Но я помню, как вы с мисс Хочкинс сошлись на том, что хуже джентльмена в целом свете не сыскать. Что он даже отвратительнее, чем грязь на вашей туфельке.

Джорджиана вспыхнула. Надин оказалась невольной свидетельницей их с Джоанной Хочкинс разговора, когда она убеждала девушку, что резкие замечания Уэстмарленда все не стоят ее слез и страданий.

– Он отпустил в адрес мисс Хочкинс несколько нелестных высказываний, и я хотела ее подбодрить.

– Значит, вы не испытываете неприязни к мар...

– Надин! – прошипела Джорджиана, теряя терпение, и обеспокоенно посмотрела на дверь. – Пока не поправится, он будет лордом Стерлингом, и не смей даже думать иначе.

– Нет-нет, мадам! – замахала руками Надин. – Конечно, не стану. Но что вы будете делать, если лорд Ст... – я хотела сказать, настоящий – решит вас навестить? Или пришлет письмо?

Джорджиана закрыла лицо руками.

– Не знаю. Я поступила так для того, чтобы спасти ему жизнь, поскольку опасалась, что леди Уинстон вышвырнет его за дверь.

На лице Надин отразились сомнения.

– Она вряд ли отказала бы в гостеприимстве тяжелораненому, даже если у него репутация негодяя.

– Кое-что произошло между сэром Чарлзом и... – Джорджиана махнула рукой в сторону комнаты, где находился маркиз. – И это настолько ужасно, что сэр Чарлз предостерег жену и предупредил, чтобы не пускала его на порог, если объявится...

Джорджиана замялась, не желая наговаривать на подругу. Возможно, она ошибалась, считая, что та не способна на жалость, и совершила глупость без всякой на то причины. Только вот сожалеть о содеянном поздно.

– Сэр Чарлз полагает, что маркиз намерен отобрать у него дом. Я не знала, как поступит ее светлость, и назвала раненого лордом Стерлингом, потому что не смогла придумать ничего другого.

– Он и правда вышвырнет всех из Осборн-Хауса? – испуганно охнула Надин.

До того как маркиз пришел в себя, Джорджиана была твердо уверена, что он не только способен на такую жестокость, но и сделает это с удовольствием, а теперь сомневалась в этом.

– Скорее всего, – произнесла она решительно, чтобы убедить в этом себя, а вовсе не Надин. В конце концов он привез с собой закладную.

Округлив глаза, горничная покачала головой.

– Но, миледи, разве вам не грозят ужасные неприятности,

если вскроется правда?

Джорджиана поморщилась как от удара.

– Я надеюсь увезти его отсюда до того, как у леди Уинстон или кого другого возникнут подозрения на его счет.

На лбу служанки залегли складки.

– И как же вы собираетесь это сделать, если он еле ходит и ничего не помнит?

«Понятия не имею».

– Что-нибудь придумаю, – ответила Джорджиана с уверенностью, которой совершенно не ощущала.

Глава 9

Прогулка в сад, конечно, была необходима Роберту, но потребовала огромных усилий. Головная боль, начавшаяся под сенью глицинии превратилась в настоящего монстра с длинными зубами и острыми когтями. Джорджиана предложила ему принять еще немного опия, и Роберт униженно согласился.

Должно быть, спал он очень долго, а проснувшись, в очередной раз увидел, что комната утопает в темноте и по-прежнему напоминает могилу. Голова болела меньше, и в небольшой степени благодаря крошечной тьме, но вместе с тем он чувствовал себя потерянным в открытом океане без компаса. Кто он такой? Роберт не знал и уже начал думать, что знать не хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.